

Что делал в Ропше актер Федор Волков?

Где такое бывает: человек падает, бьется в предсмертных судорогах, испускает последний стон, а потом встает и раскланивается? Так бывает в театре. Только театр мог обеспечить нужный эффект без реального убийства Петра III. И только первый русский актер Федор Волков с его знанием театра как «мастерской эффектов» мог обеспечить работу всех деталей сценического механизма, перенесенного в реальное пространство одного из загородных дворцов, и привести спектакль к желаемой цели: убеждению зрителей в мысли, что свергнутый император окончил свой земной путь.

Федор Волков занимался в Ропше исключительно своей профессиональной деятельностью. После переворота он не променял театральное ремесло на политическую карьеру, а остался, по словам Гельбига, «в своей сфере». Он и в Ропше оставался «в своей сфере». Он ставил спектакль. И этот спектакль назывался «Смерть Петра III». Историки и публицисты, без конца употреблявшие по отношению к этим событиям театральные термины, сами не знали, как близки они к истине. Вспомним все эти «сцены», «зрелища», «спектакли», «занавеси» без конца мелькающие на страницах историй смерти Петра III. Их авторам и в голову не приходило (к несказанной радости Екатерины, Орлова и всех, кто знал «вещи»), что все это так и есть: не фигурально, а буквально. Это не похоже на театр, это и есть театр. Перед ними разыграли театральное представление, в котором им изначально была отведена роль зрителей, а они так и не догадались. Гельбиг предварил своих «Русских избранников» строками из стихотворения немецкого поэта XVIII в. Иоганна Николауса Гётце «Весь мир подобен театру, где каждый играет свою роль». Как опасно он был близок к истине! Зрительскую эстафету подхватили позднейшие интерпретаторы событий. Бильбасов писал: «Свергнут император, умер Петр III и в землю зарыт. Все это совершилось так быстро, в несколько дней, так легко, без всяких затруднений, с таким театральным эффектом, что Фридрих II был, конечно, прав, находя, что Петр III “допустил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать”»¹. Но и Бильбасову не пришла в голову мысль, что театральный привкус в истории кончины императора не случаен.

Однако театр в реальном пространстве, с людьми, которые играют самих себя, подчас даже не зная, что они играют, а не просто живут, — материя особая. Первая проблема — где взять второе физическое тело Петра III, настоящее (настоящее тело, а не настоящее Петра III), чтобы его смерть подтвердила медицина? В нормальном театре зритель понимает условность происходящего, в эпизод с убийством не надо приглашать судмедэксперта, чтобы он засвидетельствовал смерть и огласил публике свое заключение. А здесь предполагалось медицинское свидетельство (для этого, а не для чего иного в Ропшу был отправлен Людерс), и значит — нужен реальный труп, а не имитатор предсмертных судорог. Нужен двойник, который умрет вместо Петра III, умрет абсолютно достоверно, фактически. И нужен палач, который осуществит экзекуцию.

Кто умер в Ропше? Ведь там все-таки кто-то умер. Чью бы смерть засвидетельствовал Людерс, кто бы лежал в гробу? Здесь я хочу напомнить похождения двух немцев, которых Шумахер и Гельбиг назвали убийцами Петра III. Чем занимались Александр Шванвич и Николай Энгельгардт в конце июня — начале июля 1762 г.? Об этом известно немного. Первый в момент восшествия Екатерины на

престол сидел в крепости. Так до сих пор и не выяснено, когда именно и за что его туда посадили. Буйный нрав Александра Шванвича уже был известен, он не раз приводил его в полицейскую часть, в конце царствования Елизаветы занес в Оренбург (а это ничто иное, как ссылка) и после 1762 г. испортил ему карьеру. Не исключено, что и при Петре III Шванвич опять чем-то крупно проштрафился, и кто-то из влиятельных вельмож (например, К.Г.Разумовский) взял его на заметку как человека, которого легко «прижать» и заставить выполнить любое неприятное поручение. Шванвич оказывается в крепости и оттуда удивительным образом попадает прямо в Ропшу, из огня в полмя. Странный поворот судьбы. Я думаю, именно Шванвич доставил в Ропшу ценный груз — того, кто заменит Петра III в роли трупа, его двойника. Он притащил из крепости какого-то «колодника», внешний облик которого в общих чертах напоминал экс-императора. Поскольку при Елизавете Петровне не применялась смертная казнь, тюрьмы ломались от романтиков с большой дороги, ассортимент был велик, и подобрать что-нибудь подходящее было нетрудно. Шванвича, видимо, подсадили к намеченному кандидату (или наоборот — кандидата к нему), и он каким-то образом (скорее всего, инсценировав побег) должен был доставить его в указанное место — в Ропшу — и там убить, чтобы обеспечить свежий труп. Ведь Людерс, как врач, сразу отличил бы тело, которое только что покинула жизнь, от окоченевшего несколько часов назад. Дело Шванвича малоприятное, прямо скажем, «мокрое», да к тому же низкое. Это не роль цареубийцы, Брута, а роль простого палача-наемника. Только крайне стесненное юридическое и материальное положение без всякой надежды его поправить могло толкнуть его на эту авантюру. Впрочем, вряд ли Шванвича, как человека неуравновешенного и сумасбродного, посвящали во все детали предприятия.

Здесь надо сделать некоторое отступление, которое больше соответствует теме раздела «Всего по два», но там было бы преждевременным. Дело в том, что Александров Шванвичей тоже было двое. В первой главе была изложена история нерадивой службы и буйных походов Александра Мартыновича Шванвича — того, сын которого Михаил попал к Пугачеву. Однако это был не единственный человек с таким именем и фамилией. О.А. Иванов, обратившийся к архивным фондам в поисках документов, связанных с семьей Шванвичей, был несколько удивлен, обнаружив в книгах Герольдмейстерской конторы запись от 15 мая 1763 г. о том, что при рапорте от Монетной экспедиции прислан титулярный советник Александр Шванвич. «Сомнительно, правда, чтобы в одной немецкой семье было два мальчика с одинаковыми именами», — заметил историк². Два Александра Шванвича идут пока вровень (титулярный советник — чин 9-го класса, соответствующий капитану по армии). Однако вскоре Александр «второй» обгонит «первого» (хотя мы не знаем, кто реально из них был первым, а кто вторым). В 1766 г. Александр Шванвич в чине подполковника значится в Бахмутском гарнизонном батальоне. Указано, что в службе он состоит с 1741 г., в этом чине — с октября 1765 г.³ Эти никак не известный нам буян и враль Александр Мартынович, отец пугачевского секретаря, он в ту пору был секунд-майором и состоял под следствием за побои, нанесенные новоторжскому купцу. Справка о нем из Военной коллегии 1776 г. ни словом не упоминает, что он когда-то имел чин подполковника и служил в Бахмуте. Шванвич - фамилия в России редкая, вряд ли это всего лишь однофамильцы, а не родственники, но в каком родстве состояли два Александра Шванвича, я решить не берусь.

Николай Энгельгардт — человек другого склада. Никаких проблем с законом у него не было. При Екатерине он сделал вполне приличную карьеру, стал Выборгским губернатором. Между прочим, на него была возложен контроль за содержанием семьи казненного Пугачева в Кексгольмской крепости. Следовательно, он пользовался кое-каким доверием императрицы. Что же было поручено ему в Ропше? Об Энгельгардте в

начале июля 1762 г. нам известно еще меньше, чем о Шванвиче, зато надежнее: 3 июля капитан-поручик Николай Энгельгардт взял по приказу дежурного генерал-адъютанта в Петербурге у солдата Василия Михайлова, стоявшего на карауле при Летнем дворце, епанчу⁴. Что это: алиби? Или мы видим Энгельгардта на старте какого-то броска? Во-первых, о том, по чьему приказу Энгельгардт берет епанчу. Это К.Г.Разумовский, поскольку именно он пребывал на тот момент в указанном ранге. Во-вторых, о том, что такое епанча. Это длинный, широкий плащ с широкими рукавами, который можно легко надеть на человека поверх другой одежды. На кого собирался накинуть плащ Николай Энгельгардт: на себя или на кого другого? Или и на себя и на другого поочередно? Я думаю, Энгельгардт должен был принять какое-то участие в подмене ропшинского узника двойником и незаметном изъятии из дворца августейшего арестанта. Привлечение к этой акции немца вполне оправданно. Одним своим видом (очень вероятно, что Петр знал его в лицо) он внушил бы доверие ропшинскому сидельцу, тот не заподозрил бы в нем убийцу, не стал бы поднимать крик и сопротивляться.

Итак, перед ропшинской труппой двойная задача: разыграть убийство Петра III перед избранной публикой и при этом подменить арестанта двойником. Как мы заметили, почти все, кто описывал убийство Петра III, согласны в том, что было две попытки — отравление и удушение. С точки зрения практической это странное излишество, но с точки зрения театральной — вполне обоснованное деление на акты. В ропшинском спектакле предполагалось как минимум два действия. Два — чтобы между ними появился небольшой антракт. Но в этом антракте не меняли свечи и зрителям не дали пойти в буфет, вместо этого на просцениуме им была представлена весьма бурная интерлюдия, в которой и выступил solo актер-премьер. И это не Федор Волков. Надо сказать, что как раз ему и не следовало выходить на публику в этом спектакле, тогда все стало бы слишком ясно. Здесь его дело — режиссерское, сам он должен оставаться за кулисами. Волкову нужен был исполнитель главной роли. И он его давно присмотрел, еще когда проходил курс наук в Сухопутном шляхетском корпусе, куда его определила радеющая о просвещении императрица Елизавета. Питомец корпуса, великан и силач Алексей Орлов, подавал большие надежды. Только вот подходящей роли и подходящей сцены для него все не находилось. И вот нашлось. Орлову предстояло сыграть на ропшинских подмостках самую важную, хотя и не самую знаменитую свою роль. Из всех, кто был тогда в Ропше, только он мог ее потянуть. Положусь на мнение В.А. Плугина: «Алехан, когда нужно, становился великолепным, если не выдающимся, актером и мог бы поспорить в даровании даже с такими знаменитыми современниками, как Федор Волков или Дмитриевский. Правда, в отличие от брата Григория, он не растрачивал свой талант на подмостках придворной сцены (то есть в любительских спектаклях — М.К.), а предпочитал исполнять роли непосредственно на сцене жизни. Зато здесь он блистал, настолько вживаясь в образ, что существовал в нем совершенно органично, без видимых усилий, совершенно покоряя избранного им “зрителя”. Однако единственная известная нам роль, которую сыграл Алехан, была роль влюбленного вельможи в пьесе “Княжна Тараканова”, с блеском поставленной тем же Алексеем Орловым под лазурным южным небом, но это будет 12 лет спустя»⁵. Думаю — не единственная.

Надо сказать, истоки актерства А.Орлова заключались в той «маске», которую надела на него сама природа. Гигант, гнувший в руке две сложенные подковы и переворачивавший повозку за заднее колесо, своим видом внушал мысль, что все вопросы он решает ударом кулака. Шрам на лице, полученный им когда-то от А.Шванвича, довершал впечатление разбойной романтики. Однако по характеру Алексей Орлов был полной противоположностью своему брутальному внешнему

образу: скрытен, осторожен, осмотрителен, не склонен к опрометчивым поступкам и резким движениям. Разрыв между физической «маской» и складом характера породил актерство, сначала невольное, а потом и преднамеренное. По замечанию братьев Алексей был мастер «натянуть сурну»⁶ (от франц. *sournois* — скрытный, фальшивый), то есть притворяться. Хоть А.М.Тургенев со мной и поспорил бы, но А.Орлов больше действовал головой, чем физической силой. Этого от него не ожидали, а потом, когда дело было сделано, ворчали, что он «великий плут».

Орлову предстояло сыграть в ропшинском спектакле роль мнимого убийцы. Дважды мнимого. Дважды потому, что одна из этих мнимостей должна была шумно разоблачить себя в ходе самого спектакля. Цель разыгранной им интерлюдии — отвлечь внимание зала от того, что в это время творилось в глубине сцены (в комнате арестанта). А там творилось действие уже не театральное, и зрителям незачем было его видеть. Функция просцениума в Ропше досталась открытой террасе, на которую в определенный момент и выскочил из глубины дворца начальник караула на глазах зрителей, тех на удивление многочисленных очевидцев, которых пригласили посмотреть, как будут убивать низложенного императора.

Даже не столько посмотреть, сколько послушать. Я думаю, что значительная часть ропшинской постановки шла в режиме аудио. Публика мало что видела, но много слышала, а потом, исходя из этой текстовой информации, в своем воображении строила соответствующие мизансцены. Впоследствии эти гипотетические сценарные выкладки попали в дипломатические депеши, а оттуда — в сочинения иностранных авторов о конце Петра III. Так, Беранже ссылается на русского слугу, который разнес по Петербургу подробности умерщвления Петра III. Каким образом он оказался свидетелем убийства — этот вопрос Беранже не ставит. Если бы подобные вопросы задавали те, кто писал о смерти императора, им пришлось бы надолго задуматься, а после этого навсегда замолчать. Но им надо было писать. У Кастера этот слуга превращается во француза, причем, после неудачи отравления его выталкивают из комнаты и, следовательно, в отсутствие главного свидетеля, удушение воспроизведено автором гипотетически. Лаво не удалось вывести слугу с места преступления, тот остается в комнате при конце Петра III, как бы это ни было странно. Гельбиг тоже ссылается на очевидца — некоего кабинет-курьера, а также еще на одного человека, который «случайно» оказался в соседней комнате. Оба они уверяли, что никогда не слышали такого ужасного вопля, который испустил несчастный. Кажется, в данной ситуации они выступают скорее как слушатели, а не как очевидцы. Иначе вопиющей была бы уже нелепость самой ситуации (удушение в присутствии понятых). Неопределенность границы между тем, что видели в Ропше, и тем, что там слышали, отражает недостаточность визуального ряда, который авторам приходится домысливать, но который им хочется выдать за аутентичный. Так что же они услышали или увидели, или услышали, а потом дорисовали в своем воображении?

Начало июля 1762 г. Ропша. Петр III и те, кто его охраняет от свободы, вместе уже четвертый день. Никто не знает (некоторые знают, но притворяются, что не знают), когда и чем все это кончится. Караул, как это обычно бывает в российской истории, устал. Арестант нездоров, ждут врача. И вот он появляется в сопровождении известного всем «фактотума» гетмана Разумовского Григория Теплова. Это отставной лейб-медик Карл Фридрих Крузе, которому Петр III еще в апреле дал абшид. Некоторые из внутреннего караула, может быть, слышали, что свергнутый император хотел другого врача — Иоганна Людерса, и удивлены заменой. Они внимательно присматриваются к приехавшим, им кажется, что те что-то замышляют. Орлов встречает гостей, все трое таинственно переглядываются и скрываются в глубине дворца. Проходит некоторое время. Из комнаты, куда удалились Теплов, Крузе и

Орлов, доносится разговор на повышенных тонах. Кое-кому удается что-то расслышать, им кажется, что речь идет об отравлении.

Напомню, как передавал это Беранже: «Подозревают еще, Монсеньер, что этот принц обедал по обыкновению в день своей смерти; что встав из-за стола, он почувствовал резкий приступ боли, и он сказал сам, что умирает. Русский слуга, привязанный к нему, предложил ему принять что-нибудь. Нет, — ответил принц, — им мало того, что они не дали мне царствовать в Швеции, отняли у меня русскую корону, им надо еще меня отравить»⁷. Кастера пишет: «Он громко попросил молока; но те два монстра поднесли ему еще яда и принуждали его принять. Один комнатный слуга-француз, который был к нему очень привязан, прибежал. Царь бросился к нему со словами: “Мало того, что мне помешали править в Швеции и похитили у меня российскую корону. Меня еще хотят лишить жизни!”»⁸. Примерно ту же фразу вкладывает в уста Петра III и Гельбиг, в остальном мало зависимый от французов, напротив, старающийся всегда привести какие-то альтернативные их версиям факты. Он не хочет отказываться от этой реплики, хотя в его мизансцене она очень странна. При Петре нет того сердобольного слуги, на присутствии которого настаивали Рюльер и Кастера. Император произносит эту фразу в воздух, как бы разговаривая сам с собой. Это выглядит так: «Вскоре после этого он почувствовал всепоглощающий огонь, который бушевал в его кишечнике. Он зарыдал: “Я отравлен!” Но он не позволял себе малейшего упрека в адрес своей супруги. Только в общих словах он добавил: “Для чего не суждено мне было спокойно править в своей стране или подняться на шведский престол? Для того чтобы оказаться здесь и быть отравленным?”»⁹. Шумахер, еще более далекий от французов, в несколько ином контексте тоже сообщает о каких-то громких сетованиях арестанта. Якобы Петр III хотел выйти погулять в саду, но стражники штыками загнали его обратно. «Это привело государя в такое возбуждение, что он проклял день своего рождения и час прибытия в Россию, а потом стал горько рыдать»¹⁰.

Вам не кажется, что в этой фразе, кочующей из-под пера одного автора под перо другого, есть что-то театральное, что-то декламационное. Но не будем спешно обвинять их в литературщине. Кастера и Гельбиг писали книги, предназначенные для публики, но Беранже писал секретную депешу, и ему было не до ходульных эффектов. А что если он буквально передал фразу, услышанную кем-то в Ропше? Она донеслась из комнаты императора. Но кому она была сказана? Я думаю, Беранже, а вслед за ним и Кастера, пришлось ввести в эту сцену сострадательного слугу (в персоналии они не сошлись), чтобы оправдать эту декламацию, чтобы обеспечить Петра III хоть какой-то аудиторией. Иначе к чему эта риторика? И к кому? Если в комнате только жертва и его убийцы, и он обращается к ним, то подобная фраза, по меньшей мере, странна, особенно насчет Швеции. Никто из караула не мешал Петру править в Швеции. Он говорит как-то вообще. Он не ропшинский сиделец, которого на самом деле больше интересовали жилищно-бытовые условия, он ПЕТР ТРЕТИЙ, трагический герой на котурнах. Это Беранже его так приподнял или кто-то другой? Это упражнение французского дипломата в жанре вымышленных речей, или в этом жанре упражнялись еще до него?

А что если Беранже не сочиняет? До кого-то, находившегося вне комнаты, где все происходило, донеслась эта фраза, сказанная весьма громко, а Беранже только записал в чужом пересказе. Зеленые гардины плотно задернуты. Ничего не видно. Но через окна летнего дворца, даже закрытые, можно расслышать слова, если они сказаны достаточно громко. Если сначала громко просить молока, потом громко сообщать, что тебя хотят отравить, потом кричать, что ты уже отравлен, если вообще громко комментировать все происходящее, то можно надеяться быть услышанным. Так кто же

хотел быть услышанным? Петр III? Выпил яду, и потянуло его на декламацию. Или актер, который исполнял его роль в этом радиоспектакле, который произнес эту пафосную тираду для ропшинских слушателей голосом Петра III?

Таковым мог быть сам Федор Волков. Сценический опыт, владение голосом, способность к подражанию делали его вполне пригодным для этой роли. Ведь публика его не видит. Она думает, что это Петр III препирается со своими караульными. Надо сказать, что в составе ропшинского караула был еще один человек, не обделенный актерским даром. Это 22-летний гвардии вахмистр Григорий Потемкин. Известно (правда, из анекдотов, а это ненадежный источник), что будущий князь Таврический мог с чрезвычайным сходством имитировать чужие голоса и манеру речи. По преданию, при первом своем представлении ко двору он так похоже заговорил голосом Екатерины, что очень ее этим насмешил. Кто бы то ни был, кому бы ни выпала в Ропшѐ роль Петра III, ему понадобилось бы долго тренироваться. Тембр голоса у государя был особый: крикливый, резкий. Болотов писал: «Голос у него был очень громкий, скаросый, неприятный и было в нем нечто особое и такое, что отличало его так много от всех прочих голосов, что можно было его не только слышать издалека, но и отличать от всех прочих»¹¹. Подражать низкому голосу Екатерины, пожалуй, было проще, чем надтреснутому, подростковому голосу ее благоверного. Но представление стоило репетиций, а игра свеч.)

Громогласная речь, в которой публике сообщалось о происходящем за зелеными гардинами, разумеется, не могла не привлечь внимания аудитории. Имеющие слух навострили уши, имеющие возможность подошли поближе к окнам императорских апартаментов. Дальше — пауза. В комнате арестанта воцаряется тишина. Гельбиг пишет, что после неудачной попытки отравления Петр III в изнеможении упал на кровать¹². Орлов тоже решил отдохнуть, и вышел на террасу. Можно представить, как один сказал другому: «Я полежу пока», а другой ответил: «А я воздухом подышу». Так и разошлись. Шумахер тоже упоминает о коротком отдыхе арестанта. По его словам, «когда император немного задремал», Маслов «вышел в сад подышать свежим воздухом». «Не успел он там немного посидеть, — продолжает автор, — как к нему подошли офицер и несколько солдат, которые тут же засунули его в закрытую русскую повозку»¹³.

По Гельбигу, на террасе дворца Орлов держал «кровавый совет» со своими соратниками на всеобщем обозрении. Через некоторое время они вернулись в комнату арестанта и попытались задушить его. Эта попытка описана только Гельбигом. По его версии, когда Орлов схватил Петра за горло, тот закричал: «Что я тебе сделал?» и Орлов отступил. Как немного, оказывается, надо было, чтобы урезонить главаря преступной шайки. Тут появился Людерс и попытался войти в комнату своего пациента, но там происходило что-то неладное, и его немедленно вытолкали на террасу. Вскоре туда же выскочил Алексей Орлов. Орлов явно не в себе. Он мечется, заламывает руки, хватается за голову, бормочет бессвязные речи, то есть проделывает все, что положено делать злодею, которого преследуют беспощадные эринии. И все это на глазах у караульных, которые только что прослушали радиоспектакль про «отравление»? Они-то как раз должны были подумать, что дело сделано, арестанта убили, и Орлов разволновался с непривычки, начались те муки совести, которых от него будут ждать всю оставшуюся жизнь. Зрители смотрят во все глаза на Орлова, чтобы получить подтверждение своей страшной догадки. Но тут из комнат арестанта вновь доносится какой-то странный шум. Шум нарастает, раздаются крики стражи и (если не соврал Сальдерн) даже стрельба. Слушатели в недоумении. Значит, арестанта пока еще не убили? Значит, его только сейчас убивают, и они пропустили самое интересное? Они кидаются к окнам (в первый раз Гельбиг говорит о том, что комнату

императора можно было видеть с улицы, именно в описании окончательного удушения), и видят обрывок какой-то бурной сцены. Наконец раздаётся дикий вопль, который слышен далеко за пределами дворца, после чего воцаряется тишина. Тот факт, что из Ропшинского дворца донесся душераздирающий крик, засвидетельствовал не только Гельбиг, но и приятель А.Т. Болотова Балабин. По его словам, колика, унесшая жизни Петра III была так жестока, что «крик и стенание его можно было слышать даже на дворе»¹⁴.

Гельбиг очень странно описывает финальный акт этой трагедии. То безымянный кабинет-курьер и еще один неизвестный господин лишь слышали вопль жертвы, то удушение видят через окна собравшиеся на террасе дворца люди. Единственный источник информации об экстерьере дворца в Ропше до его перестройки во второй половине XVIII в. — гравюра Роберта Полларда по рисунку Джакомо Кваренги. На ней изображен парадный восточный фасад дворца. Видна и прямоугольная терраса с балюстрадой. Она примыкает к центральному ризалиту, всю площадь которого занимает большой зал, служащий своеобразным вестибюлем дворца. Только к окнам этого зала с террасы можно подойти вплотную. Окна других комнат с нее вряд ли доступны обзору. Однако абсолютно невозможно, чтобы Петра III поместили во входном зале. Несомненно, он находился в каком-то более отдаленном апартаменте. К тому же окно его комнаты, согласно Шумахеру, было плотно зашторено. С чего бы вдруг занавесям оказаться распахнутыми? И почему финальный акт ропшинской трагедии собрал столько зрителей? Мы пока не готовы ответить на этот вопрос. Оставим его на потом.

Оправившись от первого шока, зрители задают себе вопрос: «Почему же тогда паниковал Орлов?» И тут же отвечают сами себе: «А! Отравление не удалось, и он горевал, что провалил операцию, но нашлись те, у кого нервы покрепче, они-то и доконали арестанта». А где сам Орлов? Он уже в комнатах вместе с другими «убийцами». Основное действие закончилось.

Я не ручаюсь за все детали этого сценария, но общая канва такая: мнимое отравление привлекает внимание публики, выход Орлова на террасу отвлекает их, в это время в глубине сцены появляется новый персонаж, который по сценарию сразу же должен превратиться в реквизит («труп императора»). Однако в ходе представления, как мне кажется, произошла накладка, и в ней был виноват Шванвич. Возможно, изначальный сценарий не предполагал так много шума и беготни. Но живой реквизит преподнес неожиданный сюрприз. Попытка бегства того, кому предписано было стать трупом, но кто с этим не был согласен, описана Сальдерном. О сопротивлении арестанта пишут почти все, но о попытке бегства только Сальдерн. Может быть, так оно и было. Шванвич упустил свою жертву. Махать кулаками и раскраивать чужие физиономии в кабаках — одно, а преднамеренно хладнокровно и убить — другое. Постановщик ропшинского спектакля, человек театра, сам обманулся природной «маской» отчаянного дебошира. Дрогнула рука у Шванвича, да и «клиент» (должно быть, дядя бывалый) почувал, что его дело швах, и рванулся изо всех сил. Если, как говорит Сальдерн, арестанту стреляли вслед, то это значит, что он бежал из комнаты, в которой перед тем находился. Не добежал ли он до большого входного зала дворца, оказавшись таким образом в поле зрения людей, собравшихся на террасе? И не здесь ли, в этом большом зале, его схватили караульные офицеры? Полагаю, что они все-таки успели затащить свою жертву хотя бы в первую комнату анфилады, а не проделали конечную операцию на всеобщем обозрении.

Вместо Шванвича «умиротворять» безвестного двойника пришлось общими усилиями. Образовалась свалка. Участников много, толку мало, ведь все они «непрофессиональные палачи» и никак не доведут дело до конца. А на террасе Орлов уже ничего не понимает: что за вопли, беготня, стрельба, что за отсебятина? У него уже

текст кончился, он уже не может держать публику, она отвлечена куда более интересным сюжетом. Реальность бесцеремонно вторглась в театральное действие. Спектакль на грани срыва. Но тут кто-то наконец поборол разбушевавшуюся стихию. Не исключено, что Гельбиг был прав, и именно тихоня Энгельгардт, которого пригласили в Ропшу вовсе не за тем, чтобы кого-то убивать, показал характер близкий к нордическому и решительно затянул удавку, которую до того все по очереди безуспешно дергали трясущимися руками.

Как может заметить читатель, в изложении сценария мнимого убийства Петра III я во многом опираюсь на свидетельства Гельбига и Сальдерна. Но можно ли хоть в чем-нибудь положиться на этих авторов? Если Гельбигу рассказал подробности ропшинского спектакля его очевидец, то почему он не сообщил настоящую дату — 3 июля? Почему Гельбиг воспроизводит официальную и «французскую» дату смерти Петра III — 6 июля? Дело в том, что саксонский дипломат, в отличие от Шумахера, Штелина, Позье и Ассебурга, собирал сведения очень поздно, спустя 25 лет после самих событий. Те уловили реальные информационные всплески, а Гельбиг, сам того не зная, стал объектом пропаганды. Я думаю, его информировали (и одновременно дезинформировали) целенаправленно. Тем, кто взял его в пропагандистский оборот, нужно было одно — подтвердить кончину Петра III. И тут они не скупилась на подробности. Но им вовсе не к чему было, чтобы Гельбиг заподозрил продолжение приключений уже «убитого» в Ропше императора. Ведь если бы они сообщили ему, что «убийство» произошло 3 июля, надо было объяснить, чем были заняты заговорщики и покойный следующие три дня, почему о смерти Петра было объявлено только 7 июля. Эти сложности им совсем были ни к чему. И они перенесли ропшинские события на три дня позже.

Это же касается и Сальдерна. Он тоже насобирав деталей на полную мизансцену ропшинского убийства. Его исследовательская работа происходила в начале 1770-х гг., короткий период, когда он находился при русском дворе, а не разъезжал по немецким сеймам. Напомню, что это был период крайнего обострения политической ситуации. Шла русско-турецкая война, появились первые «настоящие» самозванцы (так называемая княжна Тараканова в Европе и Пугачев в России), в связи с совершеннолетием цесаревича Павла Петровича оживилась придворная оппозиция. Не хватало только, чтобы уже не в российских кабаках, а в парижских салонах прошел слух, что Петр III пожалуй что не убит, а каким-то образом скрылся и того гляди объявится. Этот сценарий нужно было исключить любым путем. Если кто-то интересуется обстоятельствами смерти Петра III, ездит в Ропшу посмотреть место, где окончил свои дни император, нужно бы удовлетворить его любопытство, только бы в самой смерти не было сомнения. И вот Сальдерна щедро снабжают подробностями того, как был убит высочайший узник. И также как годы спустя Гельбига, его не посвящают в реальную дату ропшинского спектакля, чтобы излишне не напрягать его мыслительные способности. Таким образом, нет оснований сомневаться, что многие детали мнимого убийства Петра III, сообщенные Сальдерну и Гельбигу, были достоверны, насколько можно говорить о достоверности применительно к инсценировке.

Вернемся в Ропшу 3 июля 1762 года. Там наконец появился труп, который в ближайшие дни будет изображать труп императора. Актеры-заговорщики подняли его и положили на кровать. Орлов пригласил Людерса, чтобы тот засвидетельствовал смерть арестанта. Людерс прошел через ту часть анфилады, где произошло убийство. Видимо, впоследствии он рассказал Гельбигу о замеченных следах борьбы: скрученном полотенце, опрокинутом кресле, восстановив по этим вещественным деталям и аудиоданным всю сцену. Гельбиг в своем сочинении особо настаивает на последнем предмете реквизита. Он говорит, что даже в 1790-х годах в Роп-шинском дворце, в

комнате, где когда-то был убит Петр III, можно было видеть это кресло¹⁵. Труп, который увидел Людерс, имел слишком очевидные признаки насилия. Из дворца врач вернулся печальный и крайне немногословный. Ему больше нечего здесь делать. Больного радикально вылечили от всех болезней.

Спектакль прошел не без накладок, роли смешались. Неясно, должен ли был по первоначальному сценарию в представлении участвовать Федор Бярятинский. Большинство авторов, описавших убийство, вводят его в действие с некоторым опозданием: Бярятинский входит в комнату, где уже началась борьба и присоединяется к основной группе. Я думаю, отчасти так оно и было. Князь не участвовал в первом акте ропшинской драмы, он стремительно был введен в спектакль самим ходом событий. Но действие, как мне кажется, разворачивалось в пространстве несколько иначе. Не Бярятинский вошел в комнату, где убивали арестанта, а сам арестант (то есть упущенный Шванвичем двойник императора) выскочил на стоящего в карауле князя, и последнему пришлось участвовать в его поимке и последующем «умиротворении». Если Бярятинский изначально не был посвящен в замысел представления, то теперь держать его в неведении было просто невозможно. И у него были основания для претензий. Сильно подранный во время борьбы, он вернулся в Петербург первым (если верить Шумахеру) и пошел к Н.И.Панину. Здесь Бярятинский вполне мог заявить протест: почему он, Рюрикович, должен бегать за каким-то прохвостом и душить его, когда на это подрядился Шванвич. Пришлось Бярятинскому прибавить жалованье. Из этого потом возник анекдот, как он убил Петра III за деньги.

Шванвич тоже приехал в столицу и попытался получить договорную сумму. Однако ему жалованье срезали, дали всего 500 рублей (сумма смехотворная даже за двойника императора). Этого было совершенно недостаточно, чтобы поправить его финансовые дела, и он пошел к антрепренеру (гетману Разумовскому) скандалить. Но тот вместо повышения гонорара и бенефиса на ярмарке предложил ему изобразить звук отъезжающего экипажа и выставил за городскую заставу. Шванвич в чине капитана поехал в Оренбург, а оттуда в Киев, к месту своей новой службы. Единственным богатством, которое он вывез из Петербурга, было знание некоторых апокрифических деталей кончины свергнутого императора. И в Оренбурге, и в Киеве скоро пойдут слухи, что Петр III жив. Возможно, Шванвич еще легко отделался, и от строгого взыскания его спасло заступничество Григория Орлова. Есть свидетельство современника (князя М.М.Щербатова), что Орлов «изрубившему изменническим образом брата его, Алексея Григорьевича, не токмо простил, но и милости сделал»¹⁶. Сделать милости Шванвичу Орлов мог только после переворота, до того времени он сам мало что значил.

Итак, представление окончилось. А куда делся тот, ради которого все это затевалось, — сам арестант? Кто и каким образом вытащили его из Ропши? Первый вопрос: кто? Здесь мы имеем только свидетельство Пугачева, за которым стоит устная традиция крепости Св. Елисаветы, идущая от Николая Рославлева. Петра III выпустил Маслов, то есть его камер-лакей. Это противоречит, во-первых, здравому смыслу: лакей не имел никакой возможности кого бы то ни было выпустить из под ареста и не поплатиться за это головой. А Алексей Маслов благополучно пережил и ропшинскую историю, и все другие бури начала екатерининского царствования. Кроме того, это противоречит двум весьма серьезным источникам: второму письму А.Орлова и запискам Шумахера. Шумахер утверждает, что Маслова вывезли из Ропши незадолго до убийства, его увидел едущим по дороге в закрытом экипаже Людерс, который ехал в Ропшу. Не совсем понятно, каким образом в закрытом экипаже можно было кого-то разглядеть, но это утверждает Шумахер. Следовательно, Маслов покинул место действия до основных событий. Орлов во втором письме сообщает, что узник чуть

живой, лакей заболел, и он отсылает последнего в Петербург. Кажется, данные, идущие от Шумахера и Орлова, совпадают: Маслов покидает Ропшу 3 июля и едет в Петербург. Но кое-что мешает конечным выводам. Мы не знаем даты и места написания второго письма Орлова. И мы знаем, что Шумахер на какое-то время покидал Петербург, в Ропше вообще не был и знал все только с чужих слов. Из того, что он знал многое, не значит, что он знал все по часам и минутам. Между тем источники более надежные (Штелин, Позье) не оставляют места для сомнения: между 3 и 5 июля кто-то привез в Петербург известие, что император умер. Кто это был? Тот самый русский слуга, на которого ссылается Беранже? Или французский слуга, о котором говорит Кастера? Кажется, из слуг самая вероятная кандидатура — Алексей Маслов, но он, согласно Шумахеру, покинул Ропшу до убийства и ничего толком рассказать не мог. Беранже узнал «подробности ужасов» довольно поздно, что также заставляет усомниться в их раннем разглашении слугой Петра III. А может быть, Петербург просветил насчет ропшинских дел Федор Барятинский, который, по свидетельству того же Шумахера, приехал в столицу утром 4 июля и отправился к Н.И.Панину? Осведомленность Штелина и Позье, людей имевших возможность получать новости не на площадях и базарах, а во дворцах вельмож, заставляет думать, что эксклюзивная информация прошла поверху, а не понизу, и только потом была продублирована свидетельством какого-то слуги, которому крестным целованием запретили разглашать то, что он уже разгласил. Следовательно, первым привез в Петербург известие о смерти Петра III не Маслов.

Где мог Людерс встретить Маслова? Из Петербурга в Ропшу можно было доехать по двум дорогам: Стрельнинской и Нарвской. Первая подходила к правому, северному крылу дворцового комплекса, вторая — к левому, южному. Дороги сходились в Ропше позади дворца, за верхним парком. Мы не знаем, по какой дороге ехал Людерс. В любом случае маршрут состоит из двух отрезков: сначала путник едет по Петергофской дороге на запад, а потом сворачивает с нее и едет на юг или юго-запад до самой Ропши. Если он избрал Нарвскую дорогу, то ему нужно свернуть, едва отъехав от Петербурга, а если Стрельнинскую, то в сторону Петергофа ему ехать примерно треть пути. На каком из этих отрезков встретил Людерс экипаж с Масловым? Я думаю, что на втором. Драматические события, по Шумахеру, начались сразу после отъезда Маслова. Людерс застал императора уже мертвым (по Гельбигу, он приехал в самый разгар и оказался почти свидетелем удушения). Следовательно, если он и встретил Маслова на дороге, то недалеко от Ропши. А какая разница? — спросит читатель. Дело в том, что если Людерс встретил Маслова перед самой Ропшей, то никакой уверенности нет, что Маслов ехал в Петербург, а не куда-нибудь еще.

Здесь стоит вспомнить альтернативные места пребывания Петра III, сообщенные Кастера и Лаво. Один назвал никому не ведомую мызу гетмана Разумовского «Мопса»*, другой какой-то «приморский двор» того же владельца. Итак, некая приморская мыза К.Г.Разумовского названа этими авторами тогда, когда Ропша уже упрочила за собой славу «Кровавого поля». Относительно идентификации этой мызы все более-менее однозначно. У гетмана К.Г.Разумовского в окрестностях Петербурга была лишь одна мыза, которую можно назвать приморской.

Она находилась рядом с Петергофом, чуть ближе к столице, и в то время именовалась обычно «Гетманской мызой» или его «приморским двором» (все дачи

---

* В доступной мне краеведческой литературе не значится мызы Разумовского с таким на-званием. Иностранцы часто перевирали русские, а также распространенные в окрестностях Петербурга финские топонимы. Что может скрываться за словом «Мопса»? А что если это корень русского слова «морской», «приморский»? Если этот корень, написанный кириллицей, прочитать латиницей, то «морс» превратится в «mops». Единственное, что пришлось бы заменить Кастера это букву «с» на «s».

вельмож по Петергофской дороге назывались приморскими дворами). Гетманская мыза занимала большую территорию, в нее вошло несколько более ранних усадеб; после Разумовских она также частями попала к разным владельцам. Центром Гетманской мызы в середине XVIII в. была церковь Петра и Павла, где находился список с иконы Богоматери «Знамение», которой Петр I перед смертью благословил свою дочь Елизавету (оригинал находился в Царском Селе). От этой иконы имение получило самое известное свое название — Знаменка. Остальные усадьбы гетмана поблизости от столицы не были приморскими. Мыза Мурзинка располагалась выше Петербурга по Неве, рядом с фарфоровым заводом (в пределах современного города), Славянка — в глубине материка, недалеко от Царского Села. Таким образом, Лаво точно, а Кастера предположительно, указывают на Знаменку как одно из мест пребывания Петра III после ареста. Удивительно даже, что Лаво, сочинение которого так бедно оригинальными известиями, не только сообщает о приморской мызе гетмана, но и дает ее русское произношение: «Преморскоѳ-Dvor». Из этого следует, что у истоков этой версии находится русский информатор, неизвестно, правда, сколькими промежуточными звеньями отделенный от самого Лаво.

Оба французских автора пытались установить, как соотносилось это другое место с Ропшей. Лаво поставил его перед Ропшей: якобы император сначала был вывезен на этот «приморский двор», а только потом в Ропшу. Кастера более категоричен. Он ставит свою Мопсу вместо Ропши, вообще отрицая пребывание Петра III в том месте, которое все считали его последним пристанищем. Зачем Кастера оспаривает мрачный статус Ропши? Какая ему разница: Ропша или Мопса? Он, никогда не бывавший в России и плохо представлявший себе окрестности Петербурга, берется корректировать Беранже и Рюльера. Откуда у него могла взяться альтернативная информация? Самый вероятный источник: дипломаты, побывавшие в Петербурге. Но, кажется, они все высказались сами, без посредничества Кастера. Знатные русские путешественники? Таковых в первые годы екатерининского царствования в Европе было немало. Многих волна «дворской бури» выбросила на чужой берег. Сразу после воцарения Екатерины за границу уехал Иван Иванович Шувалов. Примерно тогда же в Европу удалился и бывший фаворит Петра III А.В. Гудович. Скорее всего, покинул Россию камердинер Петра III А. Брессан. В апреле 1765 г. после неудачной попытки отхватить себе слишком большой кусок от шкуры убитого медведя уезжает за границу К.Г. Разумовский с сыновьями. Побывав в Берлине у Фридриха II, он посещает Ахен, Мангейм, и в конце июля оказывается в Париже. Гидом по Парижу ему любезно согласился быть И.И.Шувалов. В конце года Разумовский отправился в Италию, заехал в Страсбург, где учились его сыновья, и опять обосновался в Париже. В Петербург Разумовский возвратился в сентябре 1767 г. Наконец, несколько лет в качестве русского посла в Париже пребывал брат одного из «убийц» Петра III — князь Иван Сергеевич Барятинский.

Не из этого ли круга просочилась альтернативная информация о месте «успокоения» бывшего императора? Тот факт, что Кастера делает свидетелем убийства именно Брессана, повышаем ставки последнего среди возможных авторов апокрифической версии. Кажется, надо исключить из круга информаторов И.С. Барятинского. С этим не вяжется откровенная неприязнь, с которой французский автор пишет о его брате Федоре. Есть еще одна зацепка в книге Кастера. Это второе его свидетельство, расходящееся с версией Рюльера: Кастера отрицал участие в убийстве Петра III Г.А. Потемкина. Почему? Какая ему корысть в царствование Павла I выгораживать Потемкина, уже покойного, память которого император ненавидел? Возможно, Кастера просто добросовестно передал то, что слышал от людей, в его глазах достойных доверия, например, от Кирилла Разумовского, напрямую или в чужом пересказе. Экс-

гетман или кто-то из его круга уверил парижан, что Потемкин не причастен к смерти Петра III, и у Кастера не было резона ему не верить. Рюльер был привязан к той версии, которую изложил в своих «анекдотах» о перевороте, еще не опубликованных, но уже озвученных. А Кастера писал позже, когда появилась какая-то новая информация, за которую он радостно уцепился, чтобы хоть в чем-то отличаться от классика жанра. О репутации Потемкина мог позаботиться именно К.Г.Разумовский. Будущий светлейший князь Таврический, питомец Московского университета, смолоду был вхож в дом президента Академии наук. Поговаривали даже, что он женится на одной из дочерей могущественного вельможи. В 1760-х гг. эта надежда еще не была потеряна, и Разумовский позаботился, чтобы имя его возможного зятя не было замешано в темном ропшинском деле. Кирилл Григорьевич мог намекнуть по ходу дела и на некоторые другие эксклюзивные данные смерти Петра III, например, на апокрифическое место смерти, некую мызу, владельцем которой он сам являлся. В таком случае лакей Маслов доедет до первой развилки, и свернет не вправо, к столице, а влево, к Петергофу. Не в Знаменку ли ехал Маслов в закрытом экипаже (тоже важная особа!) и не было ли с ним еще кого, например, одетого в епанчу?

Настоящая тайна

Ну, допустим: Петр III был вывезен из Ропши и перемещен в другое место. А что же стало с ним после этого? Здесь мы оказываемся перед настоящей тайной. Не той, которая по странному легкомыслию заговорщиков стала почти всеобщим достоянием, а той, которая так и осталась за семью печатями. Меняет ли что-нибудь радикально появление этого второго места изоляции экс-императора, возможно ли было убийство там? Теоретически — да. Оно было бы уже абсолютно бессмысленно, но и бессмысленные вещи случаются. Единственное, почему оно могло произойти, — сдали бы нервы у кого-нибудь из караула. Испугался бы он реванша свергнутого государя, которого слишком снисходительная матушка-императрица не спрятала в надежный каменный мешок и не убрала с дороги радикально, а зачем-то возит с места на место. Впрочем, и этот сценарий маловероятен. Ведь те, кто вытащил Петра из Ропши и караулит его в новом месте, не столь отдаленном, по сути — его спасители. Петру III надо быть до крайности мелко мстительным и глупым, чтобы рубить сук, на котором он худо-бедно, но все-таки сидит. Беда только, что наблюдение за поведением «нашего уроды» не внушало караульным оптимизма. Если еще сидя в Ропше и вовсе не будучи уверенным, что его не прикончат, Петр мечтал в прежнем состоянии быть, да еще высказывал это вслух, то теперь, в относительной безопасности он мог возмечтать пуще прежнего. Возможно, именно так он и сделал. Я думаю, в этом втором месте пребывания Петр III написал тот список вещей, который все никак не найдут, куда пристроить. Этот список отражает эйфорию, в которой пребывает привилегированный арестант, пожалуй, даже излишнюю. Прусская шляпа и прусский орден — ради бога! Петр больше не российский император, нравится ему все прусское, пусть носит. Может сколько угодно разыгрывать подданного прусского короля. Голштинский мундир — тем более! Он природный герцог Голштейн-Готторпский, в этом качестве его никто не свергал. Но андреевский орден — это, пожалуй, уже слишком. А если тот красно-зеленый мундир, с которым мы так и не разобрались выше, все-таки Преображенский, то это весьма самонадеянная выходка. Такие выходки могли пагубно действовать на нервы караула.

А теперь о письме Петра III, публикуемом под номером 1. Я думаю, это письмо написано не в Ропше, а — во «второй резиденции» экс-императора. На эту мысль

наводит указание автора, что комната, в которой он находится, очень маленькая, и он едва может в ней передвигаться. В Ропше все-таки был дворец, пусть не самый большой, но дворец. Сказать, что в комнате дворца едва можно двигаться, — сильное преувеличение, вернее — преуменьшение ее размера. При этом надо учесть, что Петр III вообще не был любителем больших помещений. Достаточно вспомнить его миниатюрный, почти игрушечный дворец в Ораниенбауме. Значит, комната, в которой ему пришлось находиться на момент написания письма, была до крайности мала и не отвечала даже этим весьма скромным требованиям, поэтому он попросил, чтобы ему разрешили пользоваться еще одной, соседней.

Могло ли такое письмо появиться в Ропше? Единственным серьезным исследованием ропшинского дворцово-паркового ансамбля по сей день является книга Ю.А. Дружникова «Ропша» (Л., 1973). В ней опубликован план дворца, каким он был в 1760-х гг. Он состоял из нескольких частей: центрального корпуса, в котором располагался большой зал, двух боковых корпусов и двух анфилад, которые соединяли эти корпуса с центральным. В каждой анфиладе было по четыре комнаты: две большие квадратные и две маленькие, примерно в половину больших. Размеры ропшинского дворца можно установить по приведенным в книге Дружникова данным. Та часть дворцового комплекса, в которой разместился бывший император, была построена еще при позапрошлом владельце Ропши М.Г. Головкине. Дружников пишет: «Постройка оказалась вытянутой с юга к северу, вдоль склона холма, на 33 сажени. Каждая боковая галерея длиной 11 и шириной 4 сажени была прорезана по восточному фасаду семью оконными проемами и оформлена лопатками»¹⁷. Сажень равна 2,1336 м, следовательно, дворец тогда по фасаду имел 70,4 м. Таков общий размер загородного летнего дворца, в который поместили свергнутого императора.

Мы точно не знаем, какую из комнат занимал арестант в ропшинском дворце. К.А. Писаренко на основании приведенного выше письма Петра III, а также замечания Шумахера, что окно (оно названо датским автором в единственном числе) этой комнаты было завешено зелеными гардинами, предположил, что императора поместили в одной из четырех маленьких комнат, которые попарно располагались в центре правого и левого крыла дворца. Эти комнаты с восточной стороны имели по одному окну, а с западной по два. Допустим, что это было действительно так, и бывшего императора поместили в одной из этих маленьких комнат. Маленьких... А так ли уж они были малы? Исходя из приведенных выше общих параметров здания, можно высчитать их размер. С учетом толщины стен он составляет примерно 33–34 м². Это не такие уж маленькие комнаты. Никак нельзя сказать, что в них едва можно двигаться. К тому же есть свидетельства, что арестант занимал в ропшинском дворце большую комнату. Гельбиг писал, что Петру III отвели «просторную комнату с альковом»¹⁸. Очень вероятно, что Гельбиг совершил «экскурсию» в Ропшу, где ему показали комнату императора и кресло, в котором его пытались задушить.

Между тем, еще одно, правда, очень позднее известие о ропшинском дворце указывает именно на одну из этих, самых дальних от центра здания комнат анфилады. Знаменитый французский писатель Александр Дюма-отец, посетивший Россию в 1858 г., заехал в Ропшу. Она поразила его своим безмятежным, несколько меланхолическим видом. Он ожидал увидеть мрачный замок, образ которого соответствовал бы зловещей славе места, а нашел прекрасный сельский парадиз. Во дворце ему показали комнату, где по преданию был убит Петр III. «Именно в одной из двух комнат, образующих левый угол замка, в ночь с 19 на 20 июля разыгралась ужасная драма, о которой мы пытались рассказать», — утверждает Дюма¹⁹. Поскольку при Лазаревых фланкирующие здания корпуса разобрали, сократив его протяженность по фасаду до 25 саженей, а к существующей анфиладе добавили вторую, параллельную, угловыми

оказались крайние большие комнаты боковых анфилад. В середине XVIII в. имели два окна по восточному фасаду и три по западному.

Как видим, свидетельства трех названных авторов не очень согласуются между собой. Несомненно лишь одно: размер покоев ропшинского дворца в абсолютном исчислении. Ни один из его апартаментов, даже если это была одна из четырех малых комнат боковых анфилад, не был настолько мал, чтобы в нем едва можно было двигаться. Либо арестант сгущал краски, либо его представления о необходимой для нормального существования жилплощади радикально расходились с современными, либо на момент написания письма № 1 он находился не в Ропше, а в каком-то другом месте. Достоверно известно только о двух местах пребывания императора после ареста: Петергоф и Ропша. Может быть, письмо написано в Петергофе? Данные о пребывании там Петра III 29 июня несколько противоречивы. Шумахер пишет, что императора увезли из Ораниенбаума в Петергоф около полудня. «По прибытии в Петергоф император вышел из кареты и его тут же отвели в его комнату. Он потребовал себе стакан вина, смешанного с водой, и больше ничего не ел и не пил... Вечером столь несчастного для императора дня 29 июня у него отобрали орден и шпагу, заставили надеть серый сюртук и отвезли в карете с тщательно закрытыми окошками... в Ропшу...»²⁰ Таким образом, по Шумахеру, Петр пробыл в Петергофе несколько часов. Рюльер рисует совершенно другую картину. В Петергофе свергнутый император был с самого начала смертельно напуган яростью собравшихся там войск и даже на мгновение «лишился памяти». Затем Петр III и его спутники «подъехали к большому подъезду», где с Воронцовой сорвали орденские знаки, а Гудовича осыпали ругательствами. «Император вошел один в жару бешенства. Ему говорят: “Раздевайся!” И как ни один из мятежников не прикасался к нему рукою, то он сорвал с себя ленту, шпагу и платье, говоря: “Теперь я весь в ваших руках”. Несколько минут сидел он в рубашке, босиком на посмеяние солдат. Таким образом, Петр был разлучен навсегда со своею любезною и своим любимцем, и через несколько минут все трое были вывезены под крепкими караулами в разные стороны»²¹. Как мы видим, по Рюльеру, пребывание императора в Петергофе длилось не часы, а минуты.

Кому же верить? В данном случае, как мне кажется, большего доверия заслуживает Рюльер. У него был хороший информатор, который действительно находился в Петергофе 29 июля 1762 г. Это Е.Р.Дашкова. Она писала в своих мемуарах: «Вскоре после нашего прибытия в Петергоф Петр III в сопровождении Измайлова и Гудовича явился во дворец с изъявлением покорности. Он был никем не видимый введен в отдаленный покой, где был приготовлен обед. Так как он избрал местом своего будущего пребывания замок Ропшу, принадлежавший ему, когда он еще был великим князем, то его немедленно отправили туда под прикрытием Алексея Орлова и подчиненных ему капитана Пассека, князя Федора Барятинского, Баскакова, с приказанием охранять развенчанного монарха. Я не видела его в минуту падения, хотя и могла бы, но мне говорили, что он мало горевал о перемене своего положения. Прежде чем расстаться с Петербургом, он написал две или три небольших записки императрице. В одной, как я узнала, он изъявил ясное и решительное отречение от короны; назвав некоторых лиц, которых он желал иметь при себе, он не забыл упомянуть о некоторых необходимых принадлежностях своего стола, между прочим просил отпускать ему вдоволь бургундского, табаку и трубок»²². Таким образом, Дашкова, а с ее подачи и Рюльер, утверждают, что пребывание свергнутого императора в Петергофе было крайне непродолжительным. Дашкова далеко не все видела своими глазами, но с ней делился информацией ее дядя Н.И.Панин. Здравому смыслу эти данные не противоречат. Разумно было как можно быстрее извлечь свергнутого

императора из Петергофа, где его присутствие доводило до кипения и без того разгоряченную солдатскую массу, и вывезти в неизвестном войскам направлении.

Ну а теперь вернемся к вопросу о размере комнаты. Как бы то ни было, долго ли коротко ли было пребывание высочайшего арестанта в Петергофе, но там, как и в Ропше, — дворец, и большой дворец. Ни Шумахер, ни Рюльер не пишут, что Петра III поместили на каких-то задворках. Его поместили во дворце. Что же, там специально нашли какую-то клетушку, чтобы утеснить арестанта? Вошел он с парадного подъезда (Рюльер), который находится в западном торце. Поднялся вверх по лестнице, тогда как сопровождавших его слуг и Гудовича поместили в комнатах под лестницей, то есть на первом этаже (Шумахер). Конечно, в петергофском дворце много разных комнат, есть среди них и небольшие. Так, сразу после парадной лестницы, влево, по соседству с танцевальным залом, расположены две маленькие проходные комнаты. «Маленькие» — это примерно по 35 м². А меньше них на втором этаже петергофского дворца ничего и нет. Даже если отвлечься от ремарки Дашковой, что Петра «провели в отдаленные апартаменты», и предположить, что его поместили в этих ближних, самых маленьких комнатах дворца, то и тогда придется признать, что в варианте Петергофа мы сталкиваемся абсолютно с той же проблемой, что и в варианте Ропши: считать ли комнаты площадью 33–35 м² настолько маленькими, что в них едва можно двигаться?

Теперь о содержании письма. Это просьбы убрать караул от дверей комнаты, разрешить пользоваться второй комнатой, обращаться с ним «по крайней мере не как с величайшим злодеем» и отпустить с названными лицами в Германию. К какой точке настроения ближе это письмо? Петр III на подъеме или на спуске? Что означают его просьбы: отчаяние крайности или разыгрывающийся аппетит? Дело в том, что настроение Петра после ареста претерпело не один подъем и не один упадок. В Петергоф он приехал «не без надежды» (Рюльер), однако, там он прошел сквозь строй разъяренных солдат и смертельно перепугался. Разлучение с «Помпадур» и Гудовичем, лишение всех знаков императорского достоинства повергло его в новый шок. Это состояние прекрасно передает письмо № 2. В Петергофе свергнутому императору было не до жиру. Приехав вечером 29 июня в Ропшу, он поначалу тоже «почти непрерывно плакал и горевал» (Шумахер), однако вскоре несколько успокоился, стал нести всякий «здор» и даже вести себя так, будто надеялся «в прежнем состоянии быть» (А.Орлов). Он попросил у Екатерины прислать к нему негра, скрипку и мопса. Те, кто считает, что письмо № 1 написано в Ропше, ставят его перед этой просьбой. Арестант получил кое-что и решил продолжить борьбу за свои права. Однако здесь не все гладко. Уже 30 июня Екатерина написала В.И.Суворову в Ораниенбаум, чтобы тот нашел там врача Людерса, камердинера Тимлера, арапа Нарцисса, скрипку, мопса и прислал их в Петербург (указание Ропши рассекретило бы место пребывания высочайшего арестанта). А к этому времени, согласно изложенной выше версии, она должна была уже исполнить первую просьбу Петра о расширении жилплощади, то есть успеть получить письмо из Ропши, отправить гонца обратно в Ропшу и получить письмо с новой просьбой арестанта. Это абсолютно невозможно по времени. К.А. Писаренко, чтобы обосновать подобный сценарий, сделал два предположения: первую просьбу Екатерине привез П.Б. Пассек в ночь с 30 июня на 1 июля, а вторую императрица предвосхитила. То, как ее разбудил в полночь указанного числа Пассек, Екатерина писала и Понятовскому, и в более поздних записках о перевороте. Однако она ничего не сказала ни о каком привезенном им письме от Петра III. Пассек разбудил ее, чтобы она вышла к войскам. Измайловцы перепились и их потянуло на подвиги: они пришли спасать императрицу от какой-то мнимой опасности. Вот и все. Зачем Екатерине было скрывать получение письма от мужа в полночь с 30 на 1 июля? Если это было письмо, публикуемое обычно под № 1, то ничего криминального в нем не было. Просьба об

улучшении условий содержания вполне невинна. Однако о ней почему-то никто не узнал ни в июле 1762 г., ни в августе, ни позже, тогда как о просьбе арестанта прислать ему негра, скрипку и собаку узнали почти все.

А могло ли письмо № 1 быть написано позже? В принципе — да. Петру прислали и негра, и мопса, и еще что-то, и тут он понял, что ему со всеми этими постояльцами тесно в комнате. Однако тогда нужно выкинуть в мусорную корзину известие Шумахера, что собачку и скрипку повез арестанту Людере, который уже не увидел его живым. После смерти Петру III не нужна была вторая комната, если, конечно, после смерти он еще не продолжал жить некоторое время.

Еще одна особенность ситуации создания письма № 1, о которой уже было упомянуто, — наличие некоего загадочного конфидента, собеседника, который вдруг появился рядом с Петром III и с которым вместе они писали письмо Екатерине. Кто бы это мог быть? Кто-то из караула, с кем экс-император сблизился за несколько дней совместного сидения, или какое-то новое лицо? Как я уже сказала выше, больше похоже на новое лицо. Ни одно другое из трех писем Петра III не имеет такого признака, следовательно, загадочный конфидент находился рядом с ним лишь некоторое время: до Ропши (тогда — в Петергофе, и Петру III не нравятся тамошние апартаменты), в Ропше, или после Ропши.

У А.С. Пушкина есть приложение к «Истории Пугачева», именуемое «Замечания о бунте». Первое замечание такое: «Пугачев был уже пятый Самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?» Второе замечание: «Пугачев говорил, что сама императрица помогла ему скрыться»²³. О.А. Иванов подверг сомнению первое известие Пушкина на том основании, что Иван Васильевич Гудович (именно он был графом) в первые дни после воцарения Павла при дворе не был, а также на основании многочисленных свидетельств о том, что Павел всегда называл своего отца покойным. Могли он задать такой странный вопрос Гудовичу? Во-первых, какому Гудовичу? Пушкин называет его графом, из чего следует, что он имеет в виду фельдмаршала Ивана Васильевича Гудовича, человека довольно известного, умершего в 1820 г. Графом он был пожалован в коронацию Павла I. А что если Пушкин, или тот, кто рассказал ему этот анекдот, немного ошибся, и речь шла не об Иване, а об Андрее Гудовиче? Последний долгие годы безвыездно жил на Украине, и о нем как-то подзабыли. Единственный раз он появился при дворе на склоне лет, в начале царствования Павла I. Д.Н. Бантыш-Каменский сообщает: «Император Павел I, вступив на престол, тотчас вспомнил о верном слуге своего родителя и удостоил (10 ноября) брата Ивана Васильевича следующим собственноручным рескриптом: “Сыну платить долг отца своего. Я никогда сего пред вами, Андрей Васильевич, не забывал. Сим исполняю сие, призывая вас сюда. Будьте ко мне, как вы были к отцу. А я, можете думать, благосклонный ваш Павел”. На другой день любимец Петров пожалован из генерал-майоров в генерал-аншефы и кавалером ордена Св. Александра Невского. Государь принял его с распростертыми объятиями; но одичалый старец, отвыкший от придворных приличий, не мог долго удержаться в шумной столице и возвратился в свою деревню»²⁴. Андрей Гудович умер в 1808 г. Таким образом, его мало кто помнил даже из старших современников Пушкина. Фельдмаршала Ивана Гудовича помнили лучше и, возможно, заменили в анекдоте этой более видной фигурой всеми забытого Андрея.

Анекдоты — арбузные корки русской истории XVIII в. Скользкий это жанр. Чего только ни рассказали в XIX веке о веке XVIII. Но здесь обращает на себя внимание

одна странность. Почему Павел I спрашивает об этом Гудовича (все равно, какого)? Ему-то откуда знать? Оба брата, насколько известно, сидели под арестом в те дни, когда окончательно решалась судьба Петра III. Резоннее было бы спросить об этом у А. Орлова, Ф. Барятинского, у врача Крузе, наконец. Последнему Павел, судя по всему, доверял. Почему у Гудовича? И почему тогда же Павел I в разговоре с бывшим польским королем Станиславом Августом Понятовским фактически отрекается от своего отца и говорит о нем такое, что не вяжется с привычным представлением об обожании Павлом Петра III и тем демонстративным культом, который он старательно навязывал публике? Понятовский рассказывал Федору Головкину, как Павел со слезами на глазах просил его сознаться в том, что он его отец. Тот категорически отказался, указав на полную невозможность этого, и уверял императора, что у него есть все основания считать себя сыном Петра III. На это Павел «несколько раз с непонятной настойчивостью говорил о последнем, как о человеке, преданном спиртным напиткам и неспособном царствовать»²⁵. Почему Павел вдруг пришел к такому выводу? Прочитал мемуары своей матери? Но это только современные авторы наивно полагают, что весь негатив в адрес Петра III исходит от записок Екатерины. При Павле еще живы были очевидцы этого короткого царствования. К тому же из мемуаров Екатерины он бы узнал, что Станислав Понятовский никак не мог быть его отцом (он появился в России спустя несколько месяцев после рождения Павла Петровича). У императора был другой информатор. Интересно также, что из всех пороков Петра III Павел выбрал один — пьянство. А ведь у скончавшегося в 1762 г. государя были и другие неподходящие для правителя качества: ребячество, например. Конечно, все это ему приписали злопыхатели, клеветники из лагеря Екатерины, а на самом деле он был трезвенником и язвенником. И все же...

Есть еще один анекдот. Его сообщил П.И.Бартенев. Когда Екатерина ездила в Крым, она виделась с А. Гудовичем и беседовала с ним некоторое время наедине. Гудович был приглашен и к ее обеду, за которым сидел он, молчаливо и трезво. «Что же вы ничего не пьете, Андрей Васильевич?» — ласково сказала ему государыня. «Слишком много было пито с покойным супругом Вашего Императорского Величества», — отвечал упрямый малоросс, через целую четверть века очутившийся снова за придворным столом²⁶. Стороннему лицу, разумеется, шутка Гудовича могла показаться рискованным и мрачным напоминанием Екатерине о покойном (по общему мнению — убиенном) муже. Но так ли уж все было мрачно? Может быть, фаворит Петра III и императрица поняли друг друга лучше? Может быть, это был намек на какое-то конкретное совместное возлияние Гудовича с покойным императором? Не поделился ли Андрей Гудович такими же воспоминаниями и с Павлом I, когда тот вызвал его в Петербург, не сказал ли он ему буквально то же самое, что и Екатерине? Сказал и уехал обратно на Украину и лег на диван. Карьеру в отличие от брата он не делал, и терять ему было нечего. А император остался в расстроенных чувствах перебирать черепки разбитого идола.

Итак, Петр III, спиртные напитки, Гудович. Вспомним, что Екатерина в письме Понятовскому от 2 августа 1762 г. писала, что на четвертый день своего ареста Петр III, который тогда имел «все, кроме свободы», чрезвычайно напился. То не пил, а тут вдруг напился. Не связано ли это с тем, что при Петре появился закадычный друг и собутыльник? Кстати, в письме Понятовскому Екатерина почему-то не упоминает о Гудовиче, перечисляя те пункты пожеланий свергнутого императора, которые она выполнила или не выполнила. Собаку, негра и скрипку она ему послала, фаворитку не послала. В том же письме абзацем выше она говорит, что 29 июня Петра III доставили из Ораниенбаума вместе с Гудовичем и Воронцовой. А потом Гудович исчезает из ее рассказа. Его нет ни в плюсе, ни в минусе. Между тем в «обстоятельном» манифесте

она не преминула сообщить, как Петр уже в первом письме просил ее отпустить его за границу с двумя персонами: фавориткой и А.В. Гудовичем. А в письме к Понятовскому она об этом забыла сказать. Да, здесь она перечисляет «ропшинские» просьбы мужа, а среди них, судя по всему, Гудовича не было. Но почему Екатерина в письме к Понятовскому вообще забыла об этой персоне? Может быть потому, что она не хотела лгать: говорить, что не отправила к Петру его любимого генерал-адъютанта, тогда как на самом деле отправила. Но уже не в Ропшу. И это для Петра был бы знак, что его собираются отпустить за границу. Это был бы самый убедительный знак из всех возможных (явление «Помпадур» было определено невозможно). Он неизбежно вызвал бы у Петра эйфорию.

Екатерина вряд ли имела что-то против Гудовича как возможного компаньона Петра III при высылке из России. Ситуация с Елизаветой Воронцовой была куда более пикантной и требовала большей подготовки. А Гудович, почему бы нет? И вот в качестве жеста доброй воли она посылает Петру III его фаворита, велит тихо извлечь его из-под ареста и доставить во «вторую резиденцию» экс-императора. Не обошлось бы здесь, я думаю, без гетмана Разумовского, которому легче было по-свойски договориться с «упрямым малороссом». Последствия этого воссоединения, как и само воссоединение, можно только предполагать. Не с ним ли и с вызванным им «головокружением от успехов» связано то обстоятельство, что на четвертый день ареста Петр, который только что пошел на поправку, получив «все, что хотел, кроме свободы», сильно напился и тем приблизил свой конец?

И вновь вернемся ко второму письму Алексея Орлова. Когда оно написано и откуда послано в Петербург? Ни то, ни другое из текста письма мы узнать не можем. Либо этой информации в нем вообще не было, либо она содержалась в оторванной части. Но в нем есть один, казалось бы, надежный датирующий признак: Орлов говорит о болезни лакея Маслова и отправке его в Петербург. Это вроде бы совпадает с известием Шумахера о том, как Маслова вывезли из Ропши перед самым убийством. Но есть некоторые нестыковки. Во-первых, «перед убийством», а в письме Орлова Петр III при смерти без всякого убийства, и есть основания думать, что Орлов, действительно, в шоке от происходящего (доводы в пользу этого я привела выше). По классическому сценарию убийства Петра III его еще надо травить, потом душить, да еще в два приема, а может быть и стрелять. Откуда лежащему в беспомощности экс-императору взять силы на все это? Тот ли это отъезд Маслова, то есть отъезд из Ропши 3 июля, о котором писал Шумахер? Примечательно, что датский дипломат не указывает точно, когда Маслов прибыл в Петербург. Когда уехал — понятно: 3 июля перед обедом. А когда прибыл — как-то неопределенно. Вот о Бяратинском Шумахер пишет однозначно, что тот явился к Панину ранним утром 4 июля. Тут же о Шванвиче: «тоже явился к этому времени». На время приезда Маслова такого указания нет. Его насильно вывезли из Ропши, доставили в Петербург, выпустили (очень странно сочетается с таинственным вывозом), и там он поделился с приятелем сожалениями насчет судьбы своего господина (притом, что окончательной судьбы он знать не мог, так как покинул Ропшу до убийства). Много не стыкуется в рассказе Шумахера. И совсем не стыкуется его рассказ с депешей Беранже. Последний тоже указывает на то, что источником сведений о конце Петра III для Петербурга был некий русский слуга. Кажется, кому бы это еще быть, как не Маслову? Однако это противоречит указанию Шумахера на его отъезд до убийства. При этом получение подробной информации о кончине императора петербургской публикой от русского слуги не компрометирует в глазах Беранже официальную дату смерти Петра III — 6 июля. В депеше от 12/23 июля он пишет: «Смерть бывшего императора, через семь дней после катастрофы,

приковывает здесь внимание большинства» и дальше упоминает этого слугу²⁷. Сколько же было русских слуг в Ропше? И все разговорчивые!

Когда Маслов покинул Ропшу и когда он приехал в столицу? Шумахеру казалось, что ответить на этот вопрос не составляет никакого труда. Сколько там езды от Ропши до Петербурга? — Ну вот, и считай. А что если все несколько сложнее. Маслов уехал из Ропши 3 июля, а приехал в Петербург, ну допустим 5, 6, или 7. В Ропше видели, как какой-то офицер сажает его в закрытый экипаж. По пути из Ропши (как я предполагаю, до поворота на петергофскую дорогу) его видел Людерс. А дальше? Кто, где и когда его видел дальше? В Петербурге многие узнали о его откровениях после приезда. Но когда? Беранже пишет о русском слуге только в депеше от 12/23 июля. Шумахера какое-то время в Петербурге вообще не было, он пишет с чужих слов задним числом; когда Маслов приехал в столицу, он не знает.

Единственное, что мог разгласить Маслов, уехав из Ропши до начала основных событий, — само место заключения бывшего императора. Это, пожалуй, было пострашнее, чем что-либо другое. Место держали в строгой тайне и, судя по полной неосведомленности публики об этом предмете до окончательной развязки и даже несколько позже, эта тайна была соблюдена. Но если не место, то что? Условия содержания? Моральную атмосферу: «темные силы нас злобно гнетут» и всякое такое? Маслов, если он уехал из Ропши до обеда 3 июля и приехал в Петербург часа через три, ничего реально разгласить не мог. Но дело в том, что Маслов, покинув Ропшу до обеда 3 июля, поехал не в Петербург, а на ту приморскую мызу гетмана Разумовского, которая должна была стать очередным местом пребывания свергнутого императора. А сам Петр III находился с камер-лакеем в одном экипаже, из которого Маслов испуганно выглянул, когда встретил недалеко от Ропши едущего навстречу Людерса. Людерс подумал, что из Ропши с такими онерами везут камер-лакея.

Как же удалось незаметно вывезти из Ропши Петра III, а перед этим вывести его из дворца? Здесь возможен весьма романтический сценарий. Дворец в Ропше, по распространенному мнению, имел потайные ходы, известные только владельцам, (такowymi являлись поочередно Ромодановские, М.Г. Головкин, Разумовские и Петр III). Они вели в подвалы дворца, так называемые «подвалы Ромодановского». Впоследствии здание было сильно перестроено, но некоторые входы в подземелье сохранились по сей день. Сейчас, когда дворец представляет собой руину, любопытные путешественники все-таки обнаружили два таких входа. Один из них находится возле самой парадной лестницы, он для нас малоинтересен (слишком на виду). Другой располагается под южным флигелем, близ Красносельской дороги. С подвалами самого дворца в настоящее время он сообщения не имеет, а может быть, и никогда не имел. Но в XVIII в. дворец сообщался с флигелями через галереи, впоследствии разобранные. Попав по галерее во флигель, можно было выйти из него незаметно через подвал и оказаться недалеко от Красносельской дороги, а объехав верхний парк, — попасть на Стрельнинскую дорогу. Так Петра III могли вывезти из Ропши, а в ропшинский дворец тем же путем доставить его двойника, которому суждено было изобразить императора в гробу.

Петр III в гробу. Как мы помним, кое у кого он вызвал недоверие: мол, не похож покойник на императора. И в народе пошли разговоры, что в гробу лежал кто-то другой, или даже восковая кукла. Что же на самом деле мог увидеть тот, кто пожелал бы проститься с Петром III? Надо сказать, что в высших сферах таких нашлось немного. Русские вельможи сочли посещение Александро-Невской лавры, где было выставлено тело императора, опасным для своей репутации у нового правительства. Иностранные дипломаты, хотя им и были разосланы соответствующие приглашения, по тем же соображениям предпочли воспользоваться свидетельствами посторонних

людей. Краткое описание траурной церемонии привел в своей депеше Л. Беранже с чужих слов. Он писал: «Тело Петра III было выставлено 2 дня... в монастыре Св. Александра Невского, погребено на третий, поздним утром, с обычной церковной церемонией, и его гроб помещен рядом с могилой правительницы Анны. Я этого не видел, так как ни один иностранный министр туда не пошел, и я узнал, что приставленные люди брали на заметку всех известных персон, которые там являлись, но я послал туда своего друга. Его отчет, как и общее мнение, состоял в том, что лицо покойного было чрезвычайно черно, сквозь кожу проступали сгустки крови, ее было видно даже на перчатках, которые покрывали его руки. Можно сказать, что труп имел все признаки, которые обычно характеризуют отравление. У русских есть обычай: когда умирает государь, подданные отдают ему последний долг и целуют его. Лица, которые сделали это при прощании с Петром III, вернулись с сильно распухшими губами»²⁸. Как видим, соглядатай Беранже обратил внимание на руки покойного, закрытые перчатками. Ему даже показалось, что на них проступили темные пятна крови. Скорее всего, этим он объяснил для себя, зачем они вообще были надеты.

В конце XVIII в., когда возобладала версия, что свергнутый император был задушен после неудачной попытки отравления, автор «Истории Петра III» Лаво, слизав у Беранже описание покойника в гробу, повторил и его известие, что у тех, кто целовал тело, будто бы распухли губы. Далее Лаво решил скорректировать первоисточник и дописал кое-что от себя: «Лицо царя было черным и видимо все тело тоже, поскольку сквозь кожу сочилась кровь, проявлявшаяся на перчатках, *которыми из предосторожности закрыли его руки*»²⁹ (выделено мной — М.К.). Заметим, Беранже на тот момент придерживался версии об отравлении, о последующем удушении он тогда ничего не говорил и о том, что показалось его соглядатаю при взгляде на руки покойного, писал очень неопределенно. Лаво же подогнал его описание под свою версию. Как видим, на перчатках покойного при желании можно было обнаружить следы любого способа убийства, особенно через 35 лет после его совершения.

Рюльер, не указывая на источник своей информации, записал: «Лицо черное и шея уязвленная. Несмотря на сии ужасные знаки, чтобы усмирить возмущения, которые начинали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы под его именем не потрясали бы никогда империю, его показывали три дня народу в простом наряде голштинского офицера»³⁰. Сто лет спустя соотечественник Рюльера Александр Дюма, путешествуя по России и собираясь посетить Ропшу, описал вкратце историю Петра III. Опираясь на авторов XVIII в., он усилил мотивацию странной неосторожности, с которой знаки насильственной смерти были выставлены напоказ. «Но неважно было, что люди гадали, какой смертью умер император, — рассуждал Дюма, — важно было, чтобы никто не сомневался в его смерти. Боялись Лжедмитрия, предвидели Пугачева»³¹. Возможно, Дюма вслед за Рюльером верно угадал причину откровенности новой власти. Он только не пояснил, чем труп со следами насилия более убедителен, нежели труп без таковых следов, и почему в начале июля 1762 г. Екатерина уже предвидела Пугачева. Что такое произошло, и что заставило победителей так откровенничать?

А вот как описал печальную церемонию Андреас Шумахер, со слов своего приятеля пастора Антона Фридриха Бюшинга, который посетил лавру лично: «Императрица узнала о смерти своего мужа только 6 июля вечером, 7 бездыханное тело императора привезли в монастырь св. Александра Невского и там выставили на обозрение в том же самом низком здании, где за несколько лет перед тем выставлялись останки его дочери принцессы Анны, а также и регентины Анны [Леопольдовны]. Поскольку я тогда отсутствовал, то сам тела не видел. Поэтому передам здесь моим

будущим читателям сообщение заслуживающего доверия друга, бывшего там 9 июля. Я готов ругаться, что он разглядел не больше и не меньше, чем надо было.

В указанном здании были две обитые черным и лишенные каких бы то ни было украшений комнаты. В них можно было только различить несколько настенных подсвечников, правда без свечей. Сквозь первую черную комнату проходили во вторую, где на высоте примерно одного фута от пола в окружении нескольких горящих восковых свечей стоял гроб. Он был обит красным бархатом и отделан широким серебряным позументом. По всей видимости, он был несколько коротковат для тела, поскольку было заметно, что оно как-то сжато. Вид тела был крайне жалкий и вызывал страх и ужас, так как лицо было черным и опухшим, но достаточно узнаваемым, и волосы в полном беспорядке колыхались от сквозняка. На покойнике был старый голштинский бело-голубой мундир, но оставались видны только плечи, грудь и руки. На руках, сложенных крестом одна поверх другой, были большие жесткие перчатки, вроде тех, с которыми изображают обычно Карла XII. Остальную часть тела скрывало старое покрывало из золотой парчи, которое свешивалось через ноги до самого пола. Никто не заметил на нем орденской ленты или еще каких-либо знаков отличий. Всем входившим офицер отдавал два приказания — сначала поклониться, а затем не задерживаться и сразу идти мимо тела и выходить в другие двери. Наверное, это делалось для того, чтобы никто не смог как следует рассмотреть ужасный облик этого тела.

Комнаты, где выставляются тела уважаемых в Санкт-Петербурге горожан, выглядят куда представительнее, чем помещение, в котором лежал бывший император и самодержец всероссийский, правящий герцог Голштинский и внук Петра Великого. Стояло оно недолго, и уже 10 июля его опустили в землю — в тот самый день, когда император собирался выступить из Петербурга в поход против Дании. Хотя всем особам первых пяти классов и было велено присутствовать при погребении императора, но больше для вида, а так как все хорошо понимали, что это вовсе не способ понравиться при новом дворе, то кроме генерал-фельдмаршала Миниха и генерала Корфа прибыли лишь немногие. Шестеро ассессоров — все совершенно исключительные пьяницы — отнесли тело в церковь, где его погребли простые монастырские служки. Оно лежит без эпитафии и надгробия рядом с останками столь же несчастной регентины Анны под полом нижней части монастырской церкви, в которой наверху можно видеть роскошную гробницу св. Александра Невского»³².

Примечательны некоторые детали этого описания. Нищенская обстановка траурной камеры и странный выбор людей для несения гроба — что это, какая-то мелкая и глупая месть Екатерины покойному мужу? Или у организаторов похорон были другие соображения? Историками установлено, что на погребение Петра III было выделено денег немногим меньше, чем на коронацию Екатерины II: 74 тысячи рублей против 86 тысяч. «Таким образом, императрица отпустила сумму вполне достойную; другое дело, как ее потратила Печальная комиссия»³³. Такое «освоение» госсредств никого не удивит в наши дни, но для 1762 г. это выглядит слишком откровенным расхищением. Похороны, судя по всему, и планировались всего лишь как раздача милостыни организаторам церемонии. Среди них были не самые бездарные люди: больше всех (2000 руб.) получил архитектор Ю.М. Фельтен — автор знаменитой решетки Летнего сада. Посетителям не разрешали задерживаться у гроба. Для того чтобы заметить почерневшее лицо покойного, много времени было не надо, а вот разглядеть его черты было трудно. Бюшинг прошел два раза и отметил, что лицо было «достаточно узнаваемым». Хочется спросить: а что, разве была какая-то проблема с узнаваемостью? Судя по всему, была. Гроб, в котором лежал покойник, оказался короток для него. Руки скрыты большими перчатками с крагами. Бюшинг невольно

останавливает внимание на этой детали, замечая, что в таких перчатках обычно изображали Карла XII. Значит, они были какими-то старомодными, ведь со времени упомянутого шведского короля прошло полвека.

Гельбиг описывал, как заговорщики пытались скрыть следы убийства на теле императора и «только с большим трудом могли всунуть его руки в рукава пальто и перчатки»³⁴. Опять перчатки! Тот же Гельбиг, говоря о последних часах пребывания Петра III в Ораниенбауме, вставил в свой рассказ примечательную ремарку: «Петр III вернулся с плачущей графиней Елизаветой Воронцовой по ее просьбе во дворец. Там он нашел дамское общество в слезах. Они набросились на него с причитаниями, сделавшими его состояние еще более безотрадным, что выразилось во всей его внешности. Все, кто видел Петра Федоровича в это время, утверждали, что он неузнаваемо изменился»³⁵. Странно только, что этого не заметил Штелин, находившийся тогда в Ораниенбауме, и не записал со слов очевидцев какой-нибудь иностранный дипломат, стоявший к событиям поближе Гельбига, по крайней мере, хронологически. Гельбиг собирал сведения о конце Петра III в 1780-90-х гг., и вот какой-то словоохотливый собеседник зачем-то «вспомнил», что императора в последний день перед арестом было не узнать. Чего же вы хотите от него в гробу? Там он окончательно стал не похож на себя.

Сама Екатерина не пошла прощаться с усопшим. Это была целая история, или, как предполагают, заранее продуманное представление. Императрица вроде бы собиралась в лавру, но этому воспротивился Сенат. На заседании 8 июля 1762 г. два сенатора — Н.И. Панин и К.Г.Разумовский — просили Екатерину оставить это намерение, «сохраняя свое здравие, по любви своей к российскому отечеству, для всех истинных ее верноподданных и для многих неприятных следств». Они обратились к своим коллегам, чтобы всем вместе идти просить императрицу, что те и сделали, «и хотя Ее императорское величество долго к тому согласия своего и не оказывала, но напоследок... ко удовольствию всех ее верных рабов намерение свое отложить изволила»³⁶. Таким образом, двое сенаторов не дали Екатерине проститься с супругом, или она сама уклонилась от этого, или у них обо всем было заранее договорено. Кстати говоря, в «Летописи» Александро-Невского монастыря «вовсе умолчено» о первом погребении Петра III, в то время как второе погребение (то есть перенесение праха оттуда в Петропавловский собор при Павле I) описано подробно³⁷.

Здесь уместно будет привести один эпизод, известный со слов английского посла графа Бэкингема. Вернувшись на родину в 1765 г., он добавил к тому месту своей записки, где говорилось об убийстве Петра III, несколько замечаний и в частности описал, как однажды он увидел в комнатах императрицы портрет ее покойного мужа.

«[В разговоре со мной, — писал он, — императрица не раз упоминала своего мужа и, не преувеличивая его благоразумия, указывала на тех, кто главным образом и вызвал его падение.

Однажды, когда она покинула Петербург для участия в охоте, я увидел в ее кабинете его портрет. Портрет был без рамки и стоял на полу таким образом, как будто его внесли, чтобы она взглянула на него. Вице-канцлер заметил, что он отличается удивительным сходством. Я рассматривал его со вниманием и, естественно, сочувственно размышлял о страшной участи наследника России, Швеции и Голштейна, который, обладая многими недостатками ума, в сердце их не имел. Вице-канцлер был, казалось, удивлен моим молчаливым вниманием и спросил, что занимало мои мысли? Неужели так трудно было догадаться? Если приход во дворец и встреча с этим господином не были случайными, я должен предположить, что и портрет поместили туда для этого случая»³⁸.

Как видим, Бэкингом сразу заподозрил, что его завели в покои императрицы специально. Вице-канцлер Александр Михайлович Голицын, судя по всему, выполнил какое-то негласное распоряжение императрицы и «прогулял» английского посла туда. Ему хотели показать портрет свергнутого императора в комнате императрицы. Но зачем? Чтобы доказать спокойствие Екатерины перед памятью покойного мужа, ее чистую совесть? Вот мол, не боится она держать его портрет в своей комнате. Так, наверное, и подумал Бэкингом. А может быть, в самом портрете было что-то такое, что должно было привлечь внимание англичанина. К сожалению, посол даже бегло не описал этот портрет. Известно только, что тот стоял на полу и так, чтобы его удобно было рассматривать. Значит, это был большой портрет, в полный рост или поколенный. Всякий другой следовало бы приподнять на стул или тумбу, особенно для августейшей зрительницы: не приседать же ей на корточки. Итак — большой портрет. А как был на нем представлен свергнутый император?

Вспомним, что практически все, кто описывал тело покойного Петра III, обратили внимание на одну деталь его костюма — большие перчатки с крагами. Не вызвала ли уже тогда, в первые дни и месяцы (Бэкингом точно не указывает дату своего посещения покоев императрицы) царствования Екатерины эта деталь какие-то толки. Судя по свидетельству соглядатая Беранже и описанию пастора Бюшинга, вполне могла вызвать. Одному показались на перчатках пятна крови, другой заметил, что они несколько старомодны. Информатор Гельбига тоже упомянул перчатки, которые с трудом натянули на распухшие руки покойного. Если указанная часть костюма покойного привлекла такое внимание, Екатерине надо было как-то погасить пересуды на этот счет. И здесь помог бы портрет, где император был бы изображен в перчатках, похожих на те, что были на покойнике.

Из портретов Петра III мне известно четыре, отвечающих этим требованиям. Один когда-то находился в Романовской галерее, сейчас хранится в Русском музее. Это портрет типа Антропова, на котором Петр предстает в той же «танцевальной» позе, что и на широко известном и растиражированном портрете того же автора для Сената, но в другом антураже. Император стоит рядом с военной палаткой, справа на подушке — рыцарский шлем, в правой руке у него жезл, левой он подбоченился, она в перчатке и в ней вторая перчатка, снятая с правой руки. Перчатки с довольно большими крагами. В Русском музее есть еще один портрет, похожий на этот, но положение ног модели менее «танцевально». Портрет Петра III, созданный в начале его царствования Ф.С. Рокотовым, за который художник получил звание адъюнкта Академии, представляет императора в военной ипостаси: он изображен на бранном поле, слева от него шатер, рукой он опирается о фельдмаршальский жезл. Но на его руках нет перчаток. Два других портрета (один в Русском музее, другой в Историческом) типа П. Ротари. Они изображают императора в военном мундире: один вариант — в Преображенском, другой — в драгунском голштинском. Правой рукой он указывает на поле боя, которое находится чуть позади, а левая лежит на возвышении, выдвинутая вперед. На ней надет перчатка с крагой, в этой же руке вторая перчатка. Рука в перчатке — самая заметная деталь этого иконографического типа, она буквально выпячена на передний план. Не один ли из перечисленных портретов показал А.М. Голицын Бэкингу, не эту ли деталь костюма хотела зафиксировать в памяти английского посла Екатерина? Зайдет между иностранцами в интимном кружке разговор о бывшем императоре, кто-нибудь вспомнит о перчатках, которые были на покойнике, и только он задаст риторический вопрос: «Зачем их на него надели?», как граф Бэкингом блеснет своей осведомленностью: «Да Петр III их носил при жизни, я сам видел его портрет в этих перчатках *a la Charl XII*». И опасная тема будет закрыта.

Спектакль окончен. Со всеми накладками и отклонениями от партитуры он все-таки пришел к развязке. Публике представлено мертвое тело. Оно будет выставлено в Александро-Невской лавре. Но теперь покойника надо отпевать. Отпевать одного под видом другого — отдает кощунством. И хотя в тот момент Петр III был так ненавистен русским иерархам, что можно было бы найти охотника и на «фальшивое» отпевание, однако, лучше было этого избежать. Тем более что были лазейки. Петр III при жизни не пожелал короноваться. Обычно пишут: не успел короноваться. Однако это не совсем так. Петр и не желал участвовать в этом традиционном обряде. Даже Фридрих II советовал ему перед датским походом совершить коронацию, чтобы внушить русским благоговение, но Петр III в данном случае решил следовать не советам, а примеру своего кумира. Австрийский посланник Мерси-д'Аржанто писал в июне 1762 г.: «Царь теперь менее чем когда-либо желает слышать о короновании, потому что и король прусский пренебрег этой излишней церемонией, и он последует примеру этого монарха»³⁹. В результате Петр добился того, что с церковной точки зрения он и не был российским императором. И если в гробу будет лежать Петр, неважно какой, формально его отпевание ничем не будет отличаться от отпевания Петра III. Разве что обстановка будет побогаче да аудитория побольше. Это, правда, сужало круг кандидатур на роль двойника. Теперь уже не всякого «висельника» можно было тащить в Ропшу, а только того, которого бы звали Петром. Но ради благочестия можно было постараться. Знали ли духовные лица, кого они отпевают? Судя по тому, что одним из разносчиков экстравагантной версии жизни Петра III после собственных похорон был епископ Псковский Гедеон, некоторые представители высшего духовенства были в курсе нестандартного решения судьбы свергнутого государя.

Не стоит ли с этой точки зрения взглянуть на громкое дело первого года екатерининского царствования — дело митрополита Ростовского Арсения. Напомню, оно разгорелось в марте–апреле 1763 г. во время пребывания Екатерины в Москве. Поводом послужили первые указы новой императрицы по духовному ведомству. Поначалу она велела упразднить Коллегию экономии, но потом, под впечатлением крестьянских волнений, прокатившихся по монастырским вотчинам летом и осенью 1762 г., вернулась к этой идее. Начались подготовительные мероприятия к введению нового порядка регулирования доходов монастырей и архиерейских домов. Пока еще они не выходили за рамки прежней системы управления церковными имениями. Однако высшие церковные иерархи, особенно выходцы из западной части православного мира (в народе их тогда суммарно называли «малороссиянами» или «черкасами», хотя не все они были украинцами по национальности), были разочарованы. Они ожидали от Екатерины большей щедрости в обмен на поддержку в дни переворота. Открыто против готовящейся реформы выступил митрополит Ростовский Арсений (Мацевич), выходец из польской Украины, ученик Львовской духовной коллегии. Его взгляды разделяло большинство архиереев, но в решительный момент они не поддержали Арсения. 6 марта 1763 г. Арсений подал донесение в Синод, в котором резко критиковал первые шаги новой императрицы в вопросе церковных имений. В этом донесении было усмотрено оскорбление величества, самое страшное политическое преступление по тогдашним меркам. Арсений предстал перед судом Синода и был лишен архиерейского сана. Простым монахом он отправился в Николо-Корельский монастырь Архангелогородской епархии, а потом в Анзерский скит Соловецкого монастыря. Особые меры были приняты к недопущению его контактов с публикой (переписки, устной агитации и т.п.). Однако он продолжал высказываться против Екатерины II, выражал сочувствие свергнутому императору Иоанну Антоновичу. За это он был лишен монашеского сана. Окончил свои дни Арсений Мацевич под именем Андрея Вралья в каземате Ревельской крепости в 1772 г.

Здесь не место углубляться в детали этого конфликта. Обращу только внимание на один эпизод: вмешательство в дело Мацеевича канцлера А.П. Бестужева. Перед арестом Арсений написал два письма Бестужеву, которые тот получил, когда Мацеевич уже был под караулом привезен в Москву и заключен в Симоновом монастыре. 31 марта старый канцлер написал Екатерине записку следующего содержания: «Граф Бестужев, не вступая отнюдь ни в малейшее за митрополита ростовского заступление, осмеливается токмо по долгу к ближнему, в преступление впадшему, рабски просить о показании ему монаршего и матерняго милосердия в том приговоре, которой по суду, конечно, ему тягостен будет, а при том не в указ слабейшее его рассуждение присовокупить, не соизволит ли Ея Императорское Величество в его явном и никакого уже исследования не требующем преступлении скорее сентенцию на монаршую конфирмацию учинить, и тем сие дело кончить в предупреждение разных о сем и без того в публике происходящих толкований»⁴⁰. На какие такие толкования намекает Бестужев? Как мы помним, в солдатской среде имела хождение версия, что Арсений был наказан за то, что Петра III «фальшиво отпевал». Фактически это абсолютно неверно: митрополит Ростовский не участвовал в отпевании императора, он вообще тогда не был в Петербурге. Однако как знать, может быть и здесь глас народа не совсем ошибся. Возможно, скрыто и не проговоренно тема фальшивой кончины Петра III присутствовала в деле Мацеевича, как и в деле Федора Хитрово. Если епископ Гедеон знал об этом странном обстоятельстве, то мог узнать и Арсений, и Бестужев. Не попытался ли Бестужев затеять на этой почве интригу?

Старый канцлер тогда пребывал в двойственном психологическом состоянии. За годы ссылки он настроился на высокий лад: писал духовные стихи и думал о душе. Однако привычки придворного дельца, «в интригах поседевшего», так просто не оставляют. И вот он затеял интригу с участием церковных иерархов. И духовно, и политично. А одновременно он еще хлопотал об устройстве брака между Екатериной и Григорием Орловым. Здесь явно имела место попытка восстановить ту схему, которой он с успехом пользовался при Елизавете, опекая добродушного и ленивого Алексея Разумовского. Тайный брак Елизаветы с черниговским казаком в случае обнародования не прибавил бы дочери ливонской «портомой» авторитета. Ну а уж затевать марьяж Екатерины с Орловым на фоне слухов, что Петр III не умер, — значит подводить императрицу прямо-таки под монастырь (в случае разоблачения двоемужества). Но для Бестужева и нужен был крючок, на который можно было бы подцепить государыню. Он вовсе не хотел ее губить, он хотел ею управлять. Он решил воспользоваться недовольством гвардейцев возвышением Орловых и недовольством архиереев готовящейся реформой церковных имуществ и протащить под этот шумок свой стратегический план. «Заговор Хитрово» и дело Арсения Мацеевича шли практически параллельно. И в том, и в другом на заднем плане маячит фигура старого канцлера. Не этот ли скрытый подтекст объясняет исключительно скорую и крутую расправу над Ростовским митрополитом? Бестужев проиграл, но не пострадал. Он недовольно брюзжал в разговорах с иностранцами, что все делают теперь не так как надо. А Екатерина сквозь пальцы смотрела на интриги своего старого учителя.

Но вернемся в начало июля 1762 г. Итак, первую проблему, возникшую после окончания спектакля в Ропше, — отпевание покойника — с некоторыми трудностями можно было решить. Но дальше возникала еще более сложная проблема: как Петру Федоровичу (теперь уже исключительно Карлу Петеру Ульриху Голштейн-Готторпскому) жить после своей «смерти»? Если свергнутого императора предполагалось только перепрятать в такое место, где его уже никто мог обнаружить, тогда никакой проблемы не существовало. Петр III просто исчезает из вида сначала ропшинского караула, потом караула «второй резиденции» и наконец из вида всех, кто

не принадлежал к самому узкому кругу сторонников Екатерины. Тогда перемещение Петра из одного места заключения в другое — всего лишь реализация принципа шлюзов на пути к точке конечного «успокоения». Другое дело, если его все же предполагали отпустить на родину. Сама Екатерина в заметках о перевороте не исключала такой вариант: «Были намерения отослать его из этого места в Шлиссельбург и, смотря по обстоятельствам, приказать через некоторое время отправить его в Голштинию с его фаворитами, настолько его личность была мало опасной»⁴¹.

Но если Петра решено было отпустить за границу, тогда все очень проблематично, и даже прямо скажем — фантастично. «Покойный» император вдруг объявляется в Голштинии и шлет привет своим прежним подданным. Что им обо всем этом думать? Я уже не говорю о неизбежно имеющем возникнуть в таком случае у некоторых реваншистов намерении водрузить его тут же на прежнее место. Но и у тех, кто не желает видеть Петра вновь на троне, могут возникнуть вопросы: что же за балаган тогда был разыгран с его похоронами? кто лежал в гробу? куда глядела Екатерина? Как мы помним, Екатерина с 7 по 10 июля глядела совсем в другую сторону. Мужа в гробу она не видела. С нее взятки гладки. Она может сделать большие глаза, притвориться маленькой девочкой и заявить, что ее саму обманули. Историки заметили некоторую странность в формулировках «скорбного» манифеста. Вместо того чтобы просто сказать, что бывший император умер, Екатерина акцентирует внимание на том, как она получала известия о его состоянии и кончине: «В седьмой день после принятия Нашего престола Всероссийского получили Мы известие... Но к крайнему Нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили Мы другое...». Конечно, в ситуации, когда Петр III находится в отдалении от Екатерины, она не могла знать о том, что с ним происходило, иначе как с чужих слов. Но зачем так тщательно фиксировать это обстоятельство в манифесте? При том, что в нем практически ничего не сказано по существу: ни где приключилась с Петром указанная неприятность, ни кто привозил известия одно за другим. «Получили» и всё.

И вот обнаруживается, что известия, полученные Екатериной, оказались ложными. Бывший император жив и находится в своем голштинском отечестве. Значит, его кто-то похитил. Постановщики спектакля в Ропше должны были заранее определиться с кандидатом на роль похитителя. Я думаю, удобнее всего было бы объявить таковым кого-нибудь, выехавшего на момент разбирательства дела с пропажей императора за пределы России и не собирающегося сюда возвращаться, не важно — на кого, лишь бы Екатерина уже «не могла» его наказать. Потом надо искать стрелочника среди своих, тех, кто упустил ропшинского арестанта, побоялся в этом признаться и подсунил императрице и всему Петербургу фальшивый труп. Кому играть роль Уильяма Дэвисона при новой монархине, не чуждой театральным уловкам? Я думаю, ответственность была бы коллективной, именно она гарантирует полную безответственность. Несколько демонстративных подзатыльников этим добровольным жертвам, что «не досмотрели», «утаили» и т.п. Те каются, проливают «токи слёз» и в результате избегают справедливой кары только благодаря «неизреченному высокомонаршему милосердию».

Второе затруднение: теперь тот, которого похоронили 10 июля 1762 г., оказывался опять живым. Как предотвратить его возвращение в Россию и претензии на отнятый престол? Это затруднение не разрешишь театральными средствами. Что за Екатерину и что против? За — прежде всего сам Карл Петер Ульрих. С его любовью к Голштинии и нелюбовью к России при прочих равных условиях вернуть герцога в Петербург можно было только в связанном виде и с кляпом во рту. Но это — если его никто не будет специально подзадоривать. И здесь то, что против Екатерины: ин-

фантильный, взбалмошный характер бывшего императора. Подбить его можно на что угодно. Он живет текущей минутой. Опасность — и он готов на все, лишь бы ее избежать. Угроза исчезла — он «кричит орлом» и вынашивает планы реванша. Нужны были гарантии, причем отречения самого Петра III тут было недостаточно. Он всегда мог сказать, что подписал его под дулом пистолета и поэтому оно недействительно. Гарантии должна была дать третья сторона. Сальдерн (или издатель его записок) уверял: «Если она не считала необходимым уничтожить Петра III, чтобы придать солидность своей узурпации, она отпустила бы его, согласно выраженному им желанию, в его герцогство Голштинское, получив гарантии его отказа от российского трона от австрийского и французского дворов, которые, ненавидя императора, охотно дали бы их»⁴². Это легко было писать, когда Петра III уже не было в живых. А в 1762 г. на тлеющих головнях еще не завершенной Семилетней войны Екатерине пришлось бы сплясать дипломатическую тарантеллу. Одалживаться у версальского и венского двора — очень неприятная перспектива. Екатерина, судя по ее дальнейшим действиям, вовсе не хотела продолжать воевать за их интересы. С французской дипломатией у нее был старый «роман», в начале войны она вместе с английским послом Уильямсом больше всех сопротивлялась союзу Елизаветы с Людовиком XV. Теперь ей это припомнят. Вена тоже дешево свое посредничество не продаст.

Ослабевший Фридрих был для нее куда предпочтительнее в качестве партнера. К тому же только Фридрих мог удержать Петра в Германии. В его руках был дополнительный довод, который сделал бы герцога Голштинского окончательным невозвращенцем, дополнительная приманка. Чего больше всего хотел Петр III, когда еще был императором? Служить под началом Фридриха II. А что если договориться с прусским королем, чтобы он пристроил Карла Петера Ульриха: дал бы ему какую-нибудь крепостицу в командование, произвел в генералы. Служил же ему «дядя Жорж», будет служить и «кузен Петер». За ответным жестом дело не станет. Ведь при воцарении Екатерины Фридрих был почти уверен, что она возобновит войну с ним, а она отвела войска из Пруссии и вернула Кенигсберг, между прочим, без всяких условий. В случае «воскрешения» Петра можно было то же самое подать как великое одолжение в ответ на трудоустройство свергнутого супруга. Да и Фридриху было бы лестно, что у него в генералах числится внук Петра Великого и Карла XII. Помогли бы своим влиянием голштинские родственники (все тот же «дядя Жорж», шведский король), а может быть, и брат прусского короля, принц Генрих, с которым Екатерина была дружна с детства.

Между прочим, несмотря на всю свою досаду в связи с потерей такого подарка судьбы как Петр III, дальше брюзжания в переписке с Финкенштейном прусский король не пошел. Он сразу признал Екатерину царствующей императрицей, а отречение ее супруга свершившимся юридическим фактом. Фридриху важен был не сам Петр, а мир с Россией. Если Екатерина его гарантирует, то какая ему разница, кто сидит на российском престоле. Правда, тогда Екатерина попадает в некоторую зависимость от Фридриха. Но в том и искусство дипломатии, чтобы поддерживать неустойчивое равновесие: если заартачится прусский король, угрожать ему союзом с его противниками, а тем — союзом с Фридрихом. Ей предстояло пройти между Сциллой и Харибдой, между друзьями-врагами и врагами-друзьями. Екатерина вступила бы в сложные и небезопасные игры на нечуждом ей германском поле. У нее была бы лишняя головная боль, а те, кто пять минут назад называл ее убийцей собственного мужа, вряд ли оценили ее труды по сохранению жизни троюродного брата. Всякий, кто еще вчера говорил о «бесмысленности» убийства Петра III, теперь скажет, что его смерть — для Екатерины единственный выход.

Кстати, еще одна проблема — развод. Здесь не обошлось бы без вмешательства духовенства. Ему посоветовали бы вспомнить (или придумать), какому нажиму оно подверглось со стороны императрицы Елизаветы Петровны, чтобы состоялся этот близкородственный брак, подтвердить, что вообще-то он небыстречен с точки зрения строгих церковных правил. Троюродных братьев и сестер связывает боковое родство в шестой степени. Византийская церковь браки между ними безусловно запрещала. В русской церкви к тому времени еще не было четких правил на этот счет. Синод определенно высказался по этому вопросу только в 1810 г. и пришел к выводу, что такие браки, уже заключенные, не должны расторгаться, а новые могут быть заключены только с разрешения епархиального архиерея. А в 1760-х гг. это «дышло» можно было повернуть в любую сторону. На стороне Екатерины опять-таки был бы сам Петр III, стоило только обнадежить его воссоединением с «Романовной».

Но Екатерина была избавлена от этих хлопот, потому что, как я думаю, Петр III умер во «второй резиденции» через несколько дней после своего «убийства» в Ропше. Вполне возможно, что это произошло 6 июля и официальная дата смерти императора близка к истине, так же как близка к истине и дата его «убийства» — 3 июля. Здесь стоит вспомнить записки Рюльера. Почему Рюльер так привязан к дате 6 июля? Он верит официальному известию? Однако в «скорбном» манифесте дата несколько подплывает. Она так и не озвучена. «Вчерашнего вечера» получили известие, а когда умер — так и не ясно. Надо сказать, что и у Рюльера так же, как и в манифесте, дата прямо не указана*. Вполне может быть, что до Рюльера доходили слухи об убийстве императора раньше 6 июля (судя по тому, что раннюю дату сообщают несколько человек, она не была таким уж эксклюзивом). Но он верил только одному событию: приезду Алексея Орлова в Петербург. Он либо видел его своими глазами, либо глазами надежного, по его мнению, информатора. Не исключено, что это были глаза Е.Р. Дашковой или Н.И. Панина. Орлов прискакал в столицу весь в мыле, растрепанный, с вытаращенными глазами. Он явно был под свежим впечатлением чего-то ужасного. И теперь все это уже на полном серьезе. Ему не до игрушек. Подопечный приказал долго жить.

Не лишним будет напомнить о характере личных отношений начальника ропшинского караула и Екатерины. Алексей Орлов ее практически не знает. Он впервые увидел императрицу ранним утром 28 июня, а после обеда 29 июля уже с ней расстался. У них за плечами полтора дня личного знакомства. Екатерину гораздо ближе знает Григорий Орлов, но вряд ли у Алексея высокое мнение о его проницательности. Алексей не знает, чего ему ждать от «матушки», и вовсе не уверен, что ему не нагорит за утрату августейшего узника. Он надеялся, что удастся сбить «урода» с рук еще живого, но тот умер у него на руках, теперь ему и ответ держать. Орлов в непритворном смятении. Возможно, Рюльер и его хорошая знакомая Е.Р. Дашкова так были уверены в том, что А. Орлов и есть убийца Петра III, именно потому, что они своими глазами видели его, приехавшего 6 июля в Петербург. Но они не видели его на террасе ропшинского дворца. А те, кто был свидетелем театрального убийства Петра III в Ропше и всех странностей ему сопутствовавших (например, Федор Хитрово), увидев Орлова в Петербурге в том же состоянии, решили, что он опять их морочит и что вообще он «великий плут». И те и другие отчасти были правы, а отчасти лгали, как очевидцы, потому что никто из них не видел и не знал всего.

---

* О. Елисеева считает, что и у Рюльера смерть Петра III сдвинута на более раннюю дату, чем 6 июля, поскольку он пишет: «Прошло уже 6 дней после революции...». Это не 6, а 3–4 июля. Однако Рюльер сразу после этих слов говорит о волнениях среди солдат «в одну ночь», «в следующую ночь» и только потом начинает описание убийства. Алексей Орлов у него привозит в Петербург весть о смерти императора накануне опубликования манифеста, то есть 6 июля.

Но почему Рюльер и Дашкова не узнали о состоявшемся три дня назад в Ропше спектакле, о котором узнали Бюшинг, Позье, Штелин? Может быть, и узнали, но не придали этим слухам большого значения, поскольку считали себя более осведомленными, чем прочая публика. Да к тому же, один спектакль им уже довелось видеть. Рюльер пишет о 28 июня в Петербурге: «Вдруг раздался слух, что привезли императора. Понуждаемая без шума толпа раздвигалась, теснилась и в глубоком молчании давала место процессии, которая медленно посреди ее пробиралась. Это были великолепные похороны, пронесенные по главным улицам, и никто не знал, чье погребение? Солдаты, одетые по-казацки, в трауре несли факелы; а между тем, как внимание народа было все еще в сем месте, сия церемония скрылась из вида. Часто после спрашивали об этом княгиню Дашкову, и она всегда отвечала так: “Мы хорошо приняли свои меры”. Вероятно, сие явление выдуманно, чтобы между чернию и рабами распространить полное понятие о смерти императора, удалить на ту минуту всякую мысль о сопротивлении и, действуя в одно время на умы и сердца зрителей, произвести всеобщее единодушное провозглашение»⁴³. Когда после 3 июля по Петербургу поползли первые слухи о смерти Петра III, Рюльер им не поверил. «Эти сказки для прочей публики, — подумал он. — Меня так просто не проведешь». Но прошло два-три дня, лучшая подруга императрицы узнала много нового, поняла, что от нее скрывали весьма важные обстоятельства, и обиделась. Больше всего она обиделась на Екатерину из-за Григория Орлова. И вдруг она своими глазами видит, или кто-то надежный ей сообщает, что видел растрепанного брата фаворита, входящего во дворец. Становится известно, что именно Алексею Орлову поручено было командовать стражей, приставленной к Петру III. Вид начальника караула не оставляет сомнения, что с вверенным ему арестантом произошло что-то ужасное. А на следующий день появляется «скорбный» манифест. Дашковой и Рюльеру теперь все становится ясно: это Орлов убил Петра III. Тут и пригодились детали убийства, которые уже циркулировали в свете. Они подверстали их к явлению Орлова в Петербурге, не понимая, что те от другого события — разыгранного 3 июля в Ропше спектакля, которому они еще вчера не верили. Как все, кто кое-что знал и кое-что видел, но не был посвящен в настоящую тайну, Рюльер и Дашкова попались в ловушку собственного самомнения. Они неправильно соединили отдельные части механизма, чертежа которого в их распоряжении не было. Однако этот механизм заработал и еще долго работал безотказно, благо смазка была обильная: желание видеть в Орловых убийц несчастного Петра III, а в Екатерине их невольную соучастницу.

Итак, вполне возможно, что Петр III все-таки успел умереть к моменту официального объявления о его смерти. Выше я предположила, что расплывчатые формулировки «скорбного» манифеста были лазейкой для возможного последующего «воскресения» императора в качестве герцога Голштинского. Это вроде бы противоречит второму моему предположению: что Орлов вечером 6 июля привез весть о настоящей смерти свергнутого государя. Если Петр III на самом деле умер, ни к чему уже были двусмысленности манифеста. Однако, во-первых, они помогали смазать дату и объяснить, почему слухи о смерти императора поползли по Петербургу значительно раньше официального объявления. Во-вторых, заранее сочиненный текст был настолько обтекаем и амбивалентен, что годился для известия и о театральной кончине императора, и о реальной. Кто подумает, что во всех этих уклончивых формулировках («получили известие», «получили другое») — след представления, разыгранного в Ропше 3 июля, и кто поймет, какая из муз диктовала эти строки: Клио или Мельпомена.

И последний вопрос: кто же все-таки лежал в гробу? Если Петр умер к моменту своей официальной кончины, то отпала необходимость в двойнике. Конечно, если того уже не успели везти в Александро-Невскую лавру, возня с заменой вызвала бы

недоумение. Может быть, не случайно ошибся Сальдерн, сообщивший, что тело Петра III доставили в Лавру 9 июля. Было еще одно препятствие, которое могло задержать и в конечном счете сорвать замену копии на оригинал, — медицинское вскрытие тела покойного императора. Если верить письму Екатерины к Понятовскому, оно было произведено. Шумахер пишет, что в Ропшу поехал гоф-хирург Христофор Паульсен с инструментами для вскрытия и бальзамирования тела. Он относит это событие к 3 июля и намекает тем самым на предумышленность убийства и санкцию на него из высших сфер. Удивляет в этом сообщении только одно: как Шумахеру удалось не только узнать об отправке в Ропшу Паульсена, но даже заглянуть в его чемоданчик и порыться в его инструментах? Эта излишняя подробностьстораживает. Судя по всему, кто-то усердно снабжал Шумахера информацией, что все произошло 3 июля, именно в тот день и больше никогда, что у Петра была только одна смерть, а не две. Точно также, как Рюльера и Гельбига уверяли, что все произошло 6 июля и больше никогда. Ибо, если император умирал два раза, то это был его пропуск в бессмертие. Объективные источники скупы на подробности. Известно, что 31 августа 1762 г. по личному распоряжению Екатерины трем врачам было выдано денежное вознаграждение: Паульсену 2 тысячи рублей, Людерсу и Ульриху по 1 тысяче⁴⁴.

И все-таки, кто же лежал в гробу? Почему тело имело признаки насильственной смерти? Почему руки были закрыты перчатками? Почему гроб оказался мал? Почему кому-то покойник показался непохожим на Петра III? Кто в конечном счете был похоронен 10 июля 1762 г. и чьи останки сейчас лежат в Петропавловской крепости? Кто бы это ни был, но в 1762 г. свою роль он еще не сыграл до конца. Ему предстоял последний акт.

¹ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 2. С. 137.

² Иванов О.А. Смерть Петра III. Т. 2. С. 380.

³ Воинский календарь на 1766 год. СПб., 1766. С. 111.

⁴ Писаренко К.А. Несколько дней... С. 306.

⁵ Плугин В.А. Алехан, или Человек со шрамом. С. 89.

⁶ Там же.

⁷ СБРИО. Т. 140. СПб., 1912. С. 25.

⁸ Histoire de Catherine II, impératrice de Russie par J. Castéra. Tome premier. P. 125.

⁹ Biographie Peter des Dritten. Th. 2. S. 166–167.

¹⁰ Со шпагой и факелом... С. 298.

¹¹ Путь к трону. История дворцового переворота 28 июня 1762 года. М., 1997. С. 363.

¹² Biographie Peter des Dritten. Th. 2. S. 167.

¹³ Со шпагой и факелом. С. 298.

¹⁴ Путь к трону... С. 422.

¹⁵ Biographie Peter des Dritten. Th. 2. S. 168.

¹⁶ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. Москва-Аугсбург. 2001. С. 36.

¹⁷ Дружников Ю.А. Ропша. Л., 1973. С. 41–42.

¹⁸ Biographie Peter des Dritten. Th. 2. S. 158.

¹⁹ Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 2. М., 1993. С. 302.

²⁰ Со шпагой и факелом... С. 292.

²¹ Путь к трону... С. 466.

²² Дашкова Е.Р. Записки. М., 1990. С. 61.

²³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 томах. Т. 10. С. 371.

²⁴ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли». Т. 1. СПб., 2009. С. 582.

²⁵ Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты. М., 1912. С. 147.

²⁶ Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 316.

²⁷ СБРИО. Т. 140. СПб., 1912. С. 25.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ [Laveaux J.C.] Histoire de Pierre III. P. 293.

³⁰ Путь к трону... С. 470–471.

-
- ³¹ Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 2. М., 1993. С. 296.
- ³² Со шпагой и факелом... С. 300–301.
- ³³ Иванов О.А. Смерть Петра III. Т. 3. С. 73.
- ³⁴ Biographie Peter des Dritten. Th. 2. S. 172.
- ³⁵ Цит. по: Иванов О.А. Смерть Петра III. Т. 1. С. 108.
- ³⁶ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 2. С. 134; Иванов О.А. Смерть Петра III. Т. 3. С. 44.
- ³⁷ Русский архив. 1871. № 9. Стб. 2066.
- ³⁸ Вопросы истории. 1999. № 3–4. С. 125.
- ³⁹ СБРИО. Т. 18. СПб., 1876. С. 395.
- ⁴⁰ Цит. по: Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 2. С. 267.
- ⁴¹ Путь к трону... С. 180.
- ⁴² Histoire de la vie de Pierre III. P. 100.
- ⁴³ Путь к трону. С. 454.
- ⁴⁴ Иванов О.А. Смерть Петра III. Т. 2. С. 325.